

Какъ извѣстно къ концу царствованія Императора Николая I въ массѣ, какъ русскаго, такъ и польскаго общества оставались почти нетронутыми старыя церковно-государственныя идеи объ отношеніяхъ „Россіи“ и Польши. Когда въ началѣ царствованія Императора Александра II наступила въ Россіи либеральная оттепель, великорусскіе круги,—дающіе и до сихъ поръ черезъ столицы сигналы общественному мнѣнію,—настроились благопріятно къ польскимъ стремленіямъ,—и не зная основательно границъ дѣйствительной Польши, готовы были признать Польшею все, что было не великорусское, исключая, конечно, тѣхъ краевъ, къ обладанію которыми слишкомъ уже привыкло руссійское государство,—а именно Лѣвобережной Украины, которую одну привыкли въ Россіи звать Малороссіей, и Новороссію, о которой никто уже и не зналъ, что она была населена и до Екатерины II и называлась „Вольностями Войска (или Товариства) Запорожскаго“. Только Кіевъ,—этотъ всероссійскій Римъ,—возбуждалъ нѣкоторыя сомнѣнія въ русскомъ литературномъ обществѣ, но край западнѣе отъ Кіева оно вполне было готово признать Польшею. По крайней мѣрѣ самъ И. С. Аксаковъ помѣстилъ въ своемъ либеральномъ „Парусѣ“ (1859 г.) довольно тенденціозное „Письмо изъ Польши“ (какъ говорили тогда, принадлежащее перу извѣстнаго польскаго беллетриста) съ помѣткой: *Житомиръ!* Даже въ послѣдствіи грозный бичъ „польской интриги“ М. Н. Катковъ, велъ по польски переписку съ г. Киркоромъ, издававшимъ въ Вильнѣ журналъ съ обычными польскими „историческими“ тенденціями,—и только полемика, поднятая въ виленскихъ польскихъ изданіяхъ противъ появившагося въ 1857—59 гг. „Богдана Хмельницкаго“ Костомарова, на которую украинскій историкъ отвѣчалъ въ „Современникѣ“, предвѣщала тѣ бури, которыя не замедлили разразиться около польскаго вопроса нѣсколько времени спустя.

При такихъ условіяхъ пришлось высказаться объ этомъ вопросѣ „Колоколу“, тогдашнему органу всероссійскаго либерализма и великорусской демократіи.

По всему видно, что Герценъ не имѣлъ спеціальныхъ свѣдѣній объ исторіи и этнографіи „западныхъ провинцій“ Россіи и даже врядъ ли читалъ труды напр. Костомарова. Запасъ фактическихъ свѣдѣній его по этому предмету не превосходилъ того, какой имѣлъ средній столичный русскій литераторъ того времени, т. е. былъ очень не великъ. Но за то Герценъ имѣлъ превосходное общее политическое образованіе и, кромѣ того, громаднѣй и въ высшей степени чуткій къ реальнымъ чертамъ политическихъ явленій умъ,—и большой запасъ

наблюдений надъ политическою жизнью разныхъ народовъ современной ему эпохи. Это же все, вмѣстѣ взятое, давало ему возможность въ спокойное время вѣрно угадывать основныя черты польскаго вопроса въ Россіи,—правду и фальшь стремленийъ польскихъ „историческихкихъ“ патріотовъ всѣхъ оттѣнковъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться. Теперь въ особенности, послѣ изданія его „Посмертныхъ статей“, видно, что идейная солидарность Герцена съ польскими патріотами была въ сущности очень не велика. Кромѣ сильныхъ теоретическихкихъ разногласій и критическаго отношенія Герцена къ основамъ польскихъ „историческихкихъ“ стремленийъ, основамъ, которыя польскіе патріоты принимали, какъ догматъ вѣры, солидарности этой мѣшала сильная примѣсь спеціально великорусскаго національнаго элемента къ идеямъ этого по видимому крайняго западника. При всемъ своемъ западничествѣ и полуиностраннымъ происхожденіи, Герценъ живо чувствовалъ свою кровную связь съ великорусскимъ племенемъ, къ которому (а вовсе не къ одному только правительству) накопилось слишкомъ много антипатій у средняго польскаго дѣятеля*) Кромѣ того Герценъ имѣлъ и общеисторическую философскую доктрину, которая мало гармонировала съ стремленіями польскихъ патріотовъ, потому что и подъ нею была подложена специфическая великорусская основа. При всемъ своемъ вольтеріанствѣ и сенсимонизмѣ, Герценъ былъ собственно московскій славянофилъ, или лучше великоруссофилъ,—который стремился и вольтеріанству, и социализму придать великороссійскія основы, особенно съ тѣхъ поръ, какъ нѣмецъ Гакстгаузенъ открылъ великороссійскую общину. По своей историко-философской подготовкѣ Герценъ,—какъ и Константинъ Аксаковъ, и ихъ другіе московскіе товарищи, былъ гегеліанецъ. По ученію же Гегеля все развитіе человѣчества идетъ ступенями, но при томъ такъ, что каждая ступень воплощается въ одну извѣстную націю. По Гегелю, послѣдняя ступень развитія представляется германцами,—(преимущественно пруссаками),—при чемъ дальнѣйшей сжѣны господствующей націи не предполагалось,—такъ что самъ Герценъ смѣялся, что, по гегеліанцамъ, богъ живетъ теперь въ Берлинѣ. Но московскіе гегеліанцы только перенесли этого бога отъ германцевъ къ славянамъ, а между ними, конечно, къ великоруссамъ,—при чемъ социалисты, какъ Герценъ, соединили ученіе о грядущей сжѣнѣ германскаго періода исторіи славянскимъ съ ученіемъ о предстоящей замѣнѣ господства буржуазіи торжествомъ рабочихъ классовъ. Такое ученіе, подпираемое еще и до сихъ поръ не перестающею пугать Европу фразой Наполеона I: „dans 50 ans l'Europe sera républicaine ou cosaque“, Герценъ развилъ въ нѣсколькихъ брошюрахъ на разныхъ языкахъ (Старый міръ и Россія, Социализмъ и Россія и пр.) и постоянно возвращался къ нему въ „Колоколѣ“. У самаго Герцена это ученіе умѣрялось широкимъ образованіемъ и терпимостью огромнаго ума,—но у многихъ москвичей, даже эмигрантовъ, какъ напр. Мартыанова, оно доходило до отрицанія

*) См. Сборникъ Посмертныхъ статей. 210.—211.

правъ невеликорусскихъ народовъ на отдѣльное существованіе. Во всякомъ случаѣ ученіе это дѣлало и изъ Герцена теоретическаго противника полнаго отдѣленія Польши,—такъ какъ, по этому ученію, Польша, хоть и славянская страна, но утратившая, подъ вліяніемъ Запада, сельскую общину, сохранившуюся въ Великороссіи, нуждалась въ союзѣ съ послѣдней въ критическій моментъ всемірно-историческаго перелома.

Но не раздѣляя такинъ образомъ, по разнымъ соображеніямъ, идей польскихъ патріотовъ, касательно необходимости отдѣленія Польши отъ Россіи, Герценъ, конечно, глубоко уважалъ въ полякахъ страданіе, любовь къ независимости и свободѣ и энергію въ борьбѣ за нее и признавалъ право на рѣшительное слово въ вопросѣ о судьбѣ Польши только за поляками: „Если Польша захочетъ другого рѣшенія, говорилъ онъ,—да будетъ ея воля!“ Вся бѣда была въ томъ, что Герценъ довольно смутно представлялъ, что собственно такое Польша,—и, при всемъ уваженіи къ народамъ передъ государствомъ, все таки способенъ былъ забыть, что слова „Польша“ и „Россія“,—а теперь особенно послѣдняя, представляютъ собою собственно государства, а не народы, и что, для уразумѣнія интересовъ этихъ послѣднихъ,—какъ напр. въ данномъ случаѣ интересовъ литовцевъ, бѣлоруссовъ, и украинцевъ,—нужно прежде всего отрѣшиться отъ привычки поляковъ и великоруссовъ ставить вопросъ только между „Россіей“ и Польшей“.

Съ самаго начала своей публицистической дѣятельности Герценъ не пропускалъ случая высказываться о польскомъ вопросѣ,—но до 1859 г. его слова не выходили за предѣлы общихъ выраженій сочувствія къ Польшѣ, какъ къ странѣ страждущей подъ чужимъ игомъ. Систематически и съ подробностями высказался Герценъ о польскомъ вопросѣ въ первый разъ въ статьяхъ, озаглавленныхъ „Россія и Польша“, напечатанныхъ въ „Колоколѣ“ 1859 г., въ №№ 33, 34 и 37 и въ 1860 г., №№ 66 и 67. Первые двѣ статьи напечатаны по поводу брошюры „Aleksander Herzen i Wolna Rosyjska Drukarnia w Londynie“, которой, къ крайнему нашему сожалѣнію, мы не видѣли. Всю первую статью московскій эмигрантъ посвятилъ защитѣ своего народа и даже государства отъ отрицательныхъ взглядовъ, распространенныхъ въ западно-европейскихъ обществахъ и въ польскомъ, налегая въ особенности на важность для Россіи соціально-экономическаго вопроса крестьянскаго, которымъ въ данный моментъ, по его мнѣнію, дѣятельно занялось и правительство. Собственно только во второй статьѣ Герценъ разбираетъ вопросъ объ отношеніи Польши къ Россіи, т. е. къ руссійскому государству. Онъ говоритъ: „Польша, какъ Италія, какъ Венгрія, имѣютъ неотъемлемое, полное право на государственное существованіе, независимое отъ Россіи. Желаетъ ли мы, чтобъ свободная Польша отторглась отъ свободной Россіи, это другой вопросъ. Нѣтъ, *мы этого не желаемъ*“ и можно ли этого желать въ то время, какъ исключительныя національности, какъ международныя вражды, составляютъ одну изъ главныхъ плотинъ, удерживающихъ общечеловѣческое развитіе. Глубоко ненавидя всякую централизацію, я убѣжденъ, что соплемен-

ныя федераціи дають среду государственную несравненно болѣе широкую, чѣмъ раздробленіе одного рода на отдѣльныя части. Федеральное соединеніе должно быть вольнымъ даромъ; Россія не имѣетъ правъ на Польшу, она должна заслужить то, что взяла насильно; она должна загладить то, что сдѣлали ея руками, и если Польша не хочетъ этого союза, мы можемъ объ этомъ скорбѣть, можемъ не соглашаться съ нею, но не предоставитъ ей воли мы не можемъ, не отрекаясь отъ всѣхъ убѣжденій нашихъ. Мнѣ кажется, что это ясно.

„Но если ясно, что мы признаемъ это право, то можетъ быть надо пояснить, почему мы не желаемъ полного расторженія двухъ народовъ. Намъ кажется, что Польша и Россія могутъ рука объ руку идти одной дорогой къ новой свободной соціальной жизни. Мы думаемъ, что Польша и Россія совсѣмъ не въ томъ положеніи, въ которомъ Ломбардія и Австрія... Австрія не народъ; Австрія полицейская мѣра, сводная администрація; она ни къ чему живому не примыкаетъ, не покоится на себѣ... Совсѣмъ напротивъ Россія—такая же живая личность, какъ Англія, какъ Франція, только съ той разницей, что тѣ „вѣтхія деньми“ съ своимъ богатствомъ и съ своими рубцами, съ шевронами на рукахъ и съ изстрѣленными, въ послѣдніе три вѣка, знаменами, покрытыя славой идутъ на отдыхъ (!!), а Россія только что вступаетъ на плацъ, на парадное мѣсто въ исторіи. Самое имя Россіи—начинаетъ повторяться въ Европѣ вмѣстѣ съ именемъ Америки.

„Россія, кромѣ закраинъ своихъ, представляетъ сплошное единство, сходное по крови, по языку, по духу. Каждый русскій сознаетъ себя частью всей державы, сознаетъ родство свое со всѣмъ народонаселеніемъ, воспитаннымъ въ томъ же сельскомъ быту, съ своимъ общиннымъ порядкомъ и раздѣленіемъ полей. Отъ того то гдѣ бы русскій ни жилъ въ огромныхъ пространствахъ между Балтикой и Тихимъ Океаномъ, онъ прислушивается, когда враги переходятъ русскую границу, и готовъ идти на помощь къ Москвѣ, такъ какъ шелъ въ 1612 и въ 1812 годахъ.

„Но что онъ считаетъ своей границей?... Что касается до главнаго вопроса, до самобытности Польши, онъ рѣшенъ самимъ языкомъ; ни одинъ русскій крестьянинъ не считаетъ Польшу Россіей. Вся Русь говоритъ: „Въ Польшу, изъ Польши“. Но гдѣ же черта, за которой оканчивается Русь и начинается Польша? Это опредѣлить труднѣе, но не изъ патріотизма, а изъ того, что у насъ не достаетъ самаго главнаго элемента для рѣшенія вопроса.

„Что мы возьмемъ за его основаніе? Присоединеніе Червонной Руси къ Польшѣ, или присоединеніе Украины къ Россіи въ половинѣ XVII столѣтія; между ними цѣлый вѣкъ борьбы рѣчи Посполитой съ козаками *). Въ продолженіи ея два противоположныхъ потока обоз-

*) Червонная Русь (Галиція) была завоевана поляками окончательно въ 1387 г. Украина присоединилась къ московскому государству, которое Герценъ зоветъ преждевременно Россіей,—въ 1654 г. слѣдовательно между этими событіями прошло гораздо болѣе вѣка и притомъ для большей части Украины два періода исторіи: литовскій (2½ вѣка) и польскій (вѣкъ).

начаются въ южной Россіи: шляхетство, паны—тянутъ къ аристократической республикѣ; нижній слой, народъ, козаки напротивъ въ постоянной враждѣ съ Польшей. Хмельницкій не изъ любви къ Москвѣ, а изъ нелюби къ Польшѣ отдался царю. Москва, или лучше Петербургъ, обманули Украину и заставили ее ненавидѣть москалей. Какъ же рѣшить вопросъ о ней? Давность владѣнія ничего не доказываетъ. Утраченное владѣніе еще меньше. Право завоеванія? Послѣдній захватившій будетъ владѣть, пока другая сила его сгонитъ. Завоеваніе фактъ, а не право. Естественныхъ границъ нѣтъ; ни цѣпи горъ, ни большихъ рѣкъ; остается искать новыхъ основаній въ самой жизни народа, въ его бытѣ... Тамъ, гдѣ народъ исповѣдуетъ православіе, говоритъ языкомъ болѣе близкимъ къ русскому, чѣмъ къ польскому, тамъ, гдѣ онъ сохранилъ русскій крестьянскій бытъ, міръ, сходку, общинное владѣніе землей,—тамъ онъ, вѣроятно, захочетъ быть русскимъ. Тамъ, гдѣ народъ исповѣдуетъ католицизмъ или унию, тамъ, гдѣ онъ утратилъ общину и общинное владѣніе землей, тамъ, вѣроятно, сочувствіе съ Польшей сильнѣе и онъ пойдетъ съ ней.

„Но, скажите, что же мы за наслѣдники вѣнскаго конгресса, что будемъ расписывать, какая полоса земли, куда принадлежитъ, не спросясь людей на ней живущихъ... Ну, если послѣ всѣхъ нашихъ разсужденій, Украина, помнящая всѣ притѣсненія москалей, и крепостное состояніе, и наборы, и безправіе, и грабежъ, и киутъ съ одной стороны, и не забывая съ другой, каково ей было и за Рѣчью-Посполитой съ жолнерами, панами и коронными чиновниками, не захочетъ быть ни польской, ни русской? По моему вопросъ рѣшается очень просто. Украину слѣдуетъ въ такомъ случаѣ признать свободной и независимой страной. У насъ... не должно быть и рѣчи о томъ, кому должна принадлежать та, или другая часть населенной земли. Въ Малороссіи живутъ люди, люди подавленные рабствомъ, но не на столько сломанные правительствомъ и помѣщиками, чтобъ потеряли всякое чувство народности; совсѣмъ напротивъ, родовое сознаніе у нихъ очень развито... что же это будетъ за шагъ къ ихъ освобожденію, когда, снимая московскія цѣпи, имъ скажутъ, что они должны принадлежать Польшѣ?

„Развяжемъ-те имъ руки, развяжемъ-те имъ языкъ; пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна и тогда пусть они скажутъ свое слово, перешагнуть черезъ киутъ къ намъ, черезъ папежъ къ вамъ, или, если они умиы, протянуть намъ обоимъ руки на братскій союзъ и на независимость отъ обонхъ. Вотъ потому то я такъ высоко цѣню федерализмъ. Федеральныя части связаны общимъ дѣломъ и никто никому не принадлежитъ, ни Женева Берну, ни Бернъ Женевѣ“...

Къ выписаннымъ словамъ (изъ 34 № Колокола) слѣдовало бы прибавить нѣсколько выдержекъ изъ послѣдующихъ статей Герцена (Колоколъ, №№ 86 и 87), въ которыхъ онъ подробнѣе развиваетъ мысль о необходимости для Польши держаться Россіи, ради крестьянско-общиннаго элемента послѣдней. Но глава наша выходитъ и такъ уже слишкомъ длиною,—а потому мы отсылаемъ болѣе любопытныхъ читателей прямо къ „Колоколу“, или къ сборнику „За пять лѣтъ“,—а

здѣсь ограничимся только двумя, по нашему мнѣнію, главнѣйшими выдержками изъ статьи 66 и 67 №№ „Колокола“,

„Я только для *нерусскаго* славянскаго міра,—говорилъ Герценъ,—отъ всей души желалъ братскій союзъ съ Россіей, для того, чтобы, когда гроза, которую никакая мощь въ мірѣ не остановитъ, грянетъ, онъ не былъ бы взятъ въ расплохъ“,—и далѣе старается пояснить свою мысль обзоромъ исторіи Россіи, какъ „мужническаго“ царства и современнаго настроенія ея, въ эпоху приступа къ освобожденію крестьянъ. Думая, подобно многимъ русскимъ, будто только въ одной Россіи освобождаютъ крестьянъ съ землей (и, забывая примѣры Пруссіи, Галиціи, Скандинавскихъ державъ и даже Финляндіи, гдѣ аграрный вопросъ поставленъ едва ли не радикальнѣе, чѣмъ гдѣ либо) и заявивъ, будто въ Россіи даже правительство и помѣщики признаютъ право крестьянъ на землю (мы теперь знаемъ, точно ли всѣ крестьяне получили въ Россіи землю, по скольку и на какихъ условіяхъ,—и точно ли эмансипаторы 60-хъ годовъ предохранили Россію отъ пролетаріата, даже сельскаго).—Герценъ переходитъ къ пророчеству о предстоящей Европѣ соціальной катастрофѣ,—въ которой Россія, по его вѣрованію, должна принять участіе, кажется, не переставая еще сама быть военною державою: „Подумайте, говоритъ онъ, когда эта шестая доля земнаго шара, со всѣми Туранскими и Чудскими примѣсьями, съ соціальными инстинктами, освобожденная отъ нѣмецкихъ колодокъ и лишенная воспоминаній и наслѣдства, перекликнется съ пролетаріемъ-работникомъ и съ пролетаріемъ-батракомъ на Западѣ и они поймутъ, что собственно у нихъ дѣло одно.“

„Кто можетъ предвидѣть всѣ столкновенія и борьбы, которыя вызовутся въ тѣ дни. Но что они будутъ страшны, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Передъ борьбой намъ хотѣлось бы, чтобъ славяне подали другъ другу руку на братскій союзъ,—не для помощи Россіи,—ужъ она то *faça da se*,—не для составленія съ ней чудовищной имперіи,—мы ничего не знаемъ нелѣпѣе этихъ китообразныхъ государствъ, которымъ тяжело двигаться отъ роста,—а для того чтобъ они не остались по ту сторону, по сторону прошедшаго, или не сдѣлались бы кровавымъ театромъ страшной борьбы“.

Читая вышеупомянутыя статьи Герцена видишь, какъ близко онъ къ истинному пониманію вопроса, но въ то же время,—особенно послѣ всего случившагося съ 1860 г., видишь, какъ примѣсь къ его здравымъ мыслямъ идей великорусскаго мессіанизма а также незнаніе деталей исторіи и положенія невеликорусскихъ народовъ и остатки привычки распоряжаться за другихъ ихъ судьбою,—составили около вполне вѣрныхъ и спасительныхъ зеренъ политическихъ идей Герцена о польскомъ вопросѣ такую оболочку, которая должна была стать источникомъ послѣдующихъ бѣдствій и ошибокъ. Начнемъ съ великороссійскаго мессіанизма, потому что хотя онъ только косвенно входитъ въ главный кругъ предметовъ, которымъ посвящены настоящія статьи, но все таки не можетъ быть оставленъ безъ обсужденія,—такъ какъ онъ, во первыхъ, составляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ великорусскаго общества, въ томъ числѣ и его демокра-

тин,—а, во вторыхъ, онъ имѣлъ и свое практическое значеніе въ польскомъ вопросѣ до и послѣ революціи 1863 г. На поляковъ онъ долженъ былъ производить отталкивающее впечатлѣніе,—не только на патріотовъ болѣе „бѣлыхъ“ оттѣнковъ,—у которыхъ была своя національно-мессіанистическая религія, если и не такъ демократическая, то выражаемая еще съ большимъ мистицизмомъ,—но даже и на тѣхъ изъ „красныхъ“, которые способны бы были усвоить и федеральную, и социалистическую сущность ученія Герцена, но только не въ той, по истинѣ, странной и претензіозной оболочкѣ, въ какой ее излагалъ московскій демократъ. Вотъ почему усвоено было ученіе Герцена только великоруссами—и у послѣднихъ получило и практическое примѣненіе, которымъ врядъ ли доволенъ былъ самъ Герценъ.

Кто слѣдилъ за петербургскою и московскою печатью 1864—1868 гг., тотъ не могъ не замѣтить, какъ въ тогдашнихъ органахъ императорскаго демократизма, постепенно перешедшихъ въ органы всеобрусительнаго бюрократизма („День“ „Москва“ и „Москвичъ“ И. Аксакова, „Голосъ“,—который сначала, въ 1863 г., представлялъ собою въ польскомъ вопросѣ идею петербургскихъ западниковъ и либераловъ) почти дословно излагались мысли Герцена „о старомъ мірѣ и Россіи“, о спасеніи потерявшей славянскій обликъ Польши чистославянскими началами, сохранившимися въ Великороссіи и т. п. Теперь подобнаго рода мысли рѣже высказываются въ великороссійской печати, но они далеко не исчезли въ великорусскомъ обществѣ, а исповѣдываются многими учеными, членами славянскихъ комитетовъ, а также людьми и теперь довольно вліятельными, и которые со временемъ могутъ получить еще болѣе вліятельныя положенія, какъ напр. кн. Ал. Васильчиковъ. Подобныя идеи вдохновляли дѣятельность въ Царствѣ Польскомъ Ю. Самарина, Черкаскаго, Н. Милютинна,—и, конечно, въ ихъ рукахъ послужили опорой для проведенія нѣсколькихъ полезныхъ для польскаго крестьянства аграрныхъ реформъ и сельскихъ учреждений,—но также, особенно въ рукахъ менѣе образованныхъ людей, служили источникомъ и оправданіемъ всякаго рода централизаторскихъ и православно обрусительныхъ безобразій надъ Польшею и поляками. (Впослѣдствіи въ болгарскій походъ у самаго Черкаскаго идеи великорусскаго мессіанизма, провозглашаемые въ то время г. Ив. Аксаковымъ въ московскомъ славянскомъ комитетѣ и кн. Ал. Васильчиковымъ въ петербургскомъ,—послужили оправданіемъ системы чистаго кнутобойства надъ „братушками“, уже не сопровождаемаго никакими аграрными реформами).

У Герцена мы встрѣчаемъ сильныя противовѣсы великороссійскому мессіанизму, и потому лично онъ, конечно, трижды чистъ отъ всѣхъ его безобразій, но не совсѣмъ не виновна въ нихъ самая его доктрина. Право, не только социализмъ, но даже императорскій демократизмъ и аграрныя реформы въ Царствѣ Польскомъ могли бы быть весьма удобно проводимы безъ всякой примѣси племеннаго мессіанизма; вѣдь обходится же напр. безъ него практическій Гладстонъ въ своей аграрной политикѣ въ Ирландіи. Но великорусскіе демократы не обошлись безъ него въ 1860 годы; не совсѣмъ они обходятся безъ

него и теперь, какъ это видно на писаніяхъ многихъ русскихъ „народниковъ“, цензурныхъ и безцензурныхъ. А между тѣмъ, прослѣдивши генеалогію всѣхъ этихъ претензій на сохраненіе въ Великороссіи основъ наиболѣе удобныхъ для торжества демократіи, антикапитализма, социализма, правдоискательства и т. п.,—вы найдете въ корнѣ родословнаго древа ничто иное, какъ старомосковскій китанзмъ и ученіе о томъ, что „Москва—третій Римъ, а четвертаго не будетъ“ *).

Если такимъ образомъ однимъ своимъ бокомъ ученія Герцена,—такъ какъ они были имъ изложены въ 1859—1860 гг., представляли опору для такой политики, которая потомъ повела за собою, съ русской стороны, мѣры противъ національной индивидуальности Польши,—то другимъ своимъ бокомъ они открывали наклонную плоскость, по которой и самъ Герценъ, и его политическіе друзья, покатились еще раньше въ сторону польскихъ „историческихъ“ стремленій, по сущности своей завоевательныхъ, а не освободительныхъ, и противъ которыхъ самъ Герценъ выставилъ столько вѣскихъ соображеній и въ тѣхъ же вышеупомянутыхъ статьяхъ.

Изъ выписанныхъ выше словъ Герцена въ 34 № „Колокола“ видно прежде всего, что онъ разумѣетъ подъ словомъ Россія—собственно только Великоруссію, ибо только къ ней „присоединилась Украина въ XVII ст.“,—и только она „сохраняетъ сплошное единство, сходное по крови, по языку, по духу“ (конечно, за исключеніемъ такъ называемыхъ инородцевъ). А между тѣмъ рядомъ Герценъ употребляетъ это слово и въ государственномъ смыслѣ и въ то же время неявно представляетъ себѣ численное отношеніе невеликорусскихъ элементовъ населенія русскаго государства къ элементу великороссійскому,—когда говоритъ, что „Россія, кромѣ закраинъ своихъ представляетъ сплошное единство“. На дѣлѣ эти „закраины“ занимаютъ почти половину Европейской Россіи—отъ Финляндіи черезъ Петербургъ, Смоленскъ, почти подъ Воронежъ къ Н. Черкаску и Ставрополю,—и представляетъ почти половину населенія страны. При этомъ важное практическое значеніе имѣетъ то обстоятельство, что почти всѣ невеликорусскія племена западной половины Европейской Россіи выходятъ своими частями за границы русскаго государства (литовцы, которыхъ болѣе сознательная часть и печать находятся въ Пруссіи,—поляки, украинцы, румыны), а потому не могутъ быть подведены этнмъ государствомъ подъ одну струну. (Тоже слѣдуетъ сказать о грузинахъ и армянахъ за Кавказомъ). А изъ племенъ нерусскихъ, но помѣщающихся въ Россіи,—малыя племена латышей и эстовъ, которыхъ великорусскіе государственные демократы желаютъ эмансипировать и въ то же время русить, превосходятъ своимъ образова-

*) Напомнимъ еще слова Герцена, написанныя во время польскаго возстанія въ отвѣтъ московскимъ славянофиламъ (Концы и начала. Колоколъ, стр. 1566): „Для насъ русскій народъ преимущественно народъ православный, т. е. наиболѣе христіанскій, приближающійся къ веси небесной. Для насъ русскій народъ преимущественно социальный, т. е. наиболѣе близкій къ осуществленію одной стороны того экономическаго устройства, той земной веси, къ которой стремится всѣ социальныя ученія“.

ніемъ и организаціей русскихъ. *) Такимъ образомъ „закранны“ Россіи имѣютъ очень много шансовъ на измѣненіе всѣхъ расчетовъ, которые могутъ быть сдѣланы великоруссами касательно судебъ всей Россіи. Противъ этого, конечно, люди въ родѣ Герцена (если бы только ихъ было побольше!) ничего не станутъ и возражать. Но прежде всего имъ слѣдуетъ имѣть вполнѣ отчетливое понятіе о томъ, что такое „единство Россіи“ и что такое ея „закранны“.

У Герцена оказалось гораздо менѣе такихъ отчетливыхъ понятій, чѣмъ добрыхъ намѣреній, въ томъ случаѣ, когда онъ приступилъ къ вопросу о границахъ его „сплошной Россіи“ съ Польшею. Прежде всего онъ впалъ въ ошибку уже тѣмъ, что началъ,—по примѣру польскихъ „историческихъ“ патріотовъ опредѣлять границу своей Россіи, т. е. Великороссіи отъ Польши, тогда какъ, по духу его идей, онъ долженъ бы былъ опредѣлять границу ея отъ Латышій, Бѣлороссіи и Украйны,—такъ какъ вѣдь великорусская нація нигдѣ съ польскою не соприкасается. Между тѣмъ Герценъ, предполагая возможность, что напр. „Украйна не захочетъ быть ни польскою, ни русскою“,—предполагаетъ и возможность, что западныя области захотятъ быть то русскими, то польскими, при чемъ опираетъ это предположеніе на разныя „бытовыя основанія“, которыя, за неимѣніемъ ни горъ, ни большихъ рѣкъ, могутъ, по его мнѣнію, опредѣлить границу,—границу все таки между Россіей и Польшею! Приглядѣвшись ближе къ этимъ „бытовымъ основаніямъ“, увидимъ, что ни одно изъ нихъ не опредѣляетъ никакой границы, а одно за другимъ даютъ линіи до смѣшного перепутывающіяся.

Возьмемъ языкъ. Литовскій языкъ напр. уже потому, что онъ совсѣмъ и не славянскій, не можетъ быть „ближе“ ни къ русскому, ни къ польскому; область его, значить, окажется ни Россіей, ни Польшею. За тѣмъ славянскіе языки: бѣлорусскій и украинскій въ основѣ своей вездѣ,—къ западу, какъ и къ востоку,—находятся въ одинаковомъ отношеніи какъ къ польскому, такъ и къ русскому языку,—и если напр. дальше къ западу вы встрѣтите въ языкѣ больше культурныхъ словъ польскихъ (между которыми добрая половина слова нѣмецкія, зашедшія и къ полякамъ, и къ ихъ восточнымъ сосѣдямъ) а на востокъ найдете слова русскія, то эти слова такъ же мало измѣняютъ массовой украинскій или бѣлорусскій характеръ какойнибудь Гродненской или Черниговской губерній, какъ и украинскія слова въ языкѣ орловской, или новгородской губерніи не измѣняютъ сути великорусскаго характера послѣднихъ. Рядомъ съ десятками—сотнями польскихъ и полонизированныхъ словъ встрѣтимъ въ языкѣ какойнибудь сѣдлецкой губерніи такія оригинальныя особенности основныхъ чертъ языка,—фонетики и грамматики, которыя

*) Въ началѣ 1881 г. эсты имѣли 6 періодическихъ изданій (въ теченіи года прибавилось еще 2) на 900,000 населенія, а латыши протестанты 10 на 1,100,000: русскихъ же было всѣхъ изданій съ официальными, только 376 на 40,000,000 великоруссовъ, не считая обрусѣлыхъ чиновниковъ.

заставятъ всякаго,--знакомаго съ дѣломъ,—только улыбнуться надъ тѣмъ, кто вздумаетъ зачислять эти земли въ Польшу, на основаніи будто бы большей близости языка къ польскому, чѣмъ къ великорусскому. Ссылаемся на всѣхъ ученыхъ писавшихъ объ этомъ предметѣ. По языку во всей спорной области получишь границы: Польши, Литвы, Латыши, Бѣлоруссіи, Украины, Великороссіи,—а вовсе не Польши и Россіи.

Не больше помогаетъ великорусскому демократу съ его польскими корреспондентами и религія: православіе, унія и даже католицизмъ. Во первыхъ, унія сохранялась въ 1860 г. только въ Царствѣ Польскомъ (около 500,000) да въ Галиціи (б. 3,000,000),—значитъ громаднѣйшая часть земли отъ З. Буга и австрійской границы за Днѣпръ, т. е. всѣ „губерніи отъ Польши возвращенныя“, какъ говорятъ въ Россіи, и весь „забранный край“, какъ говорятъ въ Польшѣ, окажутся Россіей, конечно, къ великому неудовольствію польскихъ историческихъ патріотовъ. А кромѣ того населеніе уніатской Галиціи по всѣмъ прочимъ „бытовымъ основаніямъ“ совсѣмъ подобно православному населенію кіевской губерніи, которое по религіозно-бытовому основанію Герцена оказывается „русскимъ“,—и населенію Полтавской губерніи, которое „историческіе“ польскіе патріоты не требуютъ въ Польшу на томъ основаніи, что оно уступлено Польшей трактатомъ 1667 г., а не 1773 г. Уніатское населеніе Галиціи и передъ 1860 г. десятки разъ доказало, между прочимъ устами крестьянскихъ депутатовъ въ австрійскомъ парламентѣ 1848 г.,—что оно также не хочетъ „принадлежать“ Польшѣ, какъ и кіевское или полтавское,—о чемъ и Герценъ могъ бы знать, если бы между Галиціей и нимъ не стояли увѣренія польскихъ патріотовъ и нѣмецкихъ либераловъ, будто „русиновъ выдумалъ въ 1848 г. намѣстникъ Галиціи гр. Стадіонъ“. Наконецъ въ Правобочной Украинѣ есть села бѣдной шляхты и вообще чиншевики по религій католиковъ, но по языку украинцевъ и которые ни въ 1831 г., ни въ 1863 г. не обнаружили никакой охоты возставать за Польшу. Община,—какъ мірская сходка существуетъ во всей данной полосѣ,—а общиннаго землевладѣнія не существуетъ и въ Черниговской, и Полтавской губерніи (кромѣ казенныхъ крестьянъ). Оно существуетъ въ Слободской Украинѣ и Новороссіи, какъ въ земляхъ новѣйшаго заселенія, но въ этихъ земляхъ, по всѣмъ другимъ „бытовымъ основаніямъ“, населеніе ничѣмъ не отличается отъ населенія напр. полтавской, кіевской и подольской губерніи,—а въ Новороссіи, при общинномъ землевладѣніи, подобномъ великороссійскому, сохранились наиболѣе живыя воспоминанія о томъ, какъ „Москва Січь руїновала“ и какъ „московська царица своіимъ генераламъ запорожскіи степи подарила“ и т. п. Словомъ: 1) или не зачѣмъ вовсе поднимать вопроса о „бытовыхъ основаніяхъ“ для политическихъ границъ, а надо признать границы, „историческія“, т. е. проведенныя мечемъ и перомъ дипломатовъ,—и тогда, право, трудно понять, чѣмъ это границы, установленныя для Россійской Имперіи вѣнскимъ конгрессомъ 1815 г. хуже, чѣмъ границы между Московіей и Польшей, опредѣленныя въ 1667 г. и существовавшія до

1772 г.? По здравому разуму, теперешнія „историческія“ границы Россіи, какъ Россійской имперіи, уже потому лучше „историческихъ“ границъ Польши 1667—1772 гг., что они существуютъ; или же 2) если уже начать передѣлывать границы Россійской имперіи, по совокупности бытовыхъ основъ, то опять таки получимъ не Россію и Польшу,—а Польшу, Украйну, Бѣлоруссію, Литву и т. п.

Но въ концѣ концовъ великорусскій демократъ высказываетъ мысль, что не нужно предрѣшать вопроса о границахъ,—а слѣдуетъ предоставить рѣшить его населеніямъ спорныхъ провинцій,—причемъ, говоря пока объ одномъ изъ нихъ, украинскомъ, говоритъ: „развяжемъ-те имъ руки, развяжемъ-те имъ языкъ, пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна и тогда пусть они скажутъ свое слово“ и т. д. На первый взглядъ нѣтъ ничего резоннаго, благонамѣреннаго и даже самоотверженнаго такихъ рѣчей,—и если бы политическіе дѣятели, не говоримъ уже правители, но даже революціонеры,—всѣ были Герцены, то не оставалось бы ничего желать, какъ только того, чтобъ они поставлены были въ возможность „развязать руки и языкъ“ населеніямъ Европы, „сдѣлать ихъ рѣчь совершенно свободною“, чтобъ избавить эти населенія по крайней мѣрѣ отъ національныхъ споровъ. О такомъ непредрѣшеніи вопроса о „забранныхъ краяхъ“ и объ освобожденіи прежде всего языка и рукъ ихъ населеній, для того, чтобъ они могли совершенно свободно подать свой голосъ по вопросу о принадлежности къ Польшѣ, или о союзѣ съ нею,—говорили и во времена Герцена нѣкоторые польскіе политики,—говорятъ и теперь иногда польскіе публицисты. Мы увидимъ далѣе примѣры этихъ рѣчей.

Увы! не сомнѣваясь въ самыхъ добрыхъ намѣреніяхъ говорящихъ такіа рѣчи, мы не можемъ не признать ихъ ничѣмъ инымъ, какъ только компромиссомъ между мнѣніями, съ которыми трудно бороться на открытомъ полѣ аргументаціи, мнѣніями отрицающими всякія „историческія“ права Польши и всякія издѣлія старой дипломатіи, Люблинскія, какъ и Вѣнскія,—и собственными привычками говорящихъ къ мысли объ этихъ „историческихъ“ правахъ. Это очень гуманно спрашивать населенія о политическихъ границахъ. Еще гуманнѣе поднять оружіе для того, чтобъ „развязать имъ языкъ“. Но на бѣду въ иныхъ вопросахъ отвѣты зависятъ отъ того, кто, какъ и при какихъ условіяхъ предложитъ вопросъ,—а теперешнія массы народа во внѣшнегосударственныхъ вопросахъ,—сущность которыхъ не сразу видна имъ въ повседневной жизни,—почти всегда высказываются за status quo,—т. е. на дѣлѣ за того, у кого въ рукахъ власть, войско. Тотъ же, у кого въ рукахъ власть, не расположенъ ставить вопросы иначе, какъ въ такой формѣ, чтобъ получить на нихъ какъ разъ такіе отвѣты, какіе ему нужны. Напомнимъ напр. suffrage universel, произведенный Наполеономъ III въ Ниццѣ, или хоть послѣднюю перепись, произведенную въ Галиціи польскими чиновниками, между которыми находится много принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи 60-хъ годовъ. За тѣмъ, есть положенія, когда приставать къ человѣку съ извѣстными вопросами, прося у него самыхъ свободныхъ отвѣтовъ, есть просто невѣжливость: въ числѣ такихъ невѣжливыхъ вопросовъ

можно поставить вопросы: Лейпцигу: нѣмецкій ли онъ городъ, или чешскій?—Варшавѣ,—не русская ли она? и обитателямъ кievскаго уѣзда,—не поляки ли они? А поднимать въ Лейпцигѣ возстаніе для того, чтобъ развязать ему языкъ по вопросу: хочетъ ли онъ быть нѣмецкимъ, или чешскимъ городомъ?—было бы болѣе, чѣмъ невѣжливо. Но пусть предлагаютъ разные софистическіе и даже невѣжливые вопросы люди, власть имѣющіе. Прежде всего, они почти ничѣмъ не рискуютъ, имѣя въ рукахъ готовую власть. Революціонеры же, даже тѣ, которые хотятъ захватить власть, а не только тѣ, которые хотятъ „совершенной свободы“,—должны задавать вопросы самимъ себѣ прежде,—чѣмъ долженствующимъ быть освобожденными населеніямъ,—и добиваться на нихъ отвѣтовъ положительно-научнымъ способомъ, на основаніи совокупности данныхъ, представляемыхъ исторіей и настоящимъ положеніемъ этихъ населеній. Такъ медикъ долженъ прежде всего дѣлать самъ діагнозъ болѣзни субъекта, котораго онъ думаетъ лечить,—имѣя при этомъ въ виду, что иногда этотъ субъектъ можетъ и не понимать его вопросовъ. Для революціи прежде всего нужна сила,—т. е. помощь самого населенія извѣстныхъ странъ, а потому революціонеръ, особенно если онъ не рассчитываетъ на постороннюю государственную помощь,—(въ какомъ случаѣ онъ собственно и не революціонеръ, а завоеватель) долженъ прежде всего сообразить, чѣмъ онъ можетъ поднять населеніе, и чѣмъ можетъ оттолкнуть его отъ себя? Революціонеръ же, который дѣйствительно чуждъ личнаго и даже національнаго эгоизма,—долженъ при этомъ сообразить, что такое дѣйствительно можетъ служить къ удовлетворенію нуждъ даннаго населенія? и долженъ затѣмъ направить въ эту сторону всю свою энергію. Всѣ эти требованія мы вправѣ прѣдъявлять къ дѣятелямъ настоящаго „положительнаго“ времени.

Приложимъ эти соображенія къ двумъ крайнимъ и непохожимъ между собою провинціямъ изъ числа „забранныхъ“ нынѣшнею Россіею отъ старой Польши,—къ Украинѣ и Литвѣ. Въ первой мы увидимъ такое недвухсмысленное и столько разъ съ XVI в. заявленное отвращеніе отъ всякой принадлежности къ польскому государству, что слѣдуетъ по истинѣ удивляться, какъ можно было людямъ, что нибудь знающимъ объ этой землѣ, допускать на одну секунду мысль, что населеніе ея можетъ, да еще при полной свѣжести памяти о крѣпостномъ правѣ у польскихъ пановъ,—пойти за польскимъ знаменемъ, даже если бы изъ подъ него обѣщались рѣки сытоты и берега кисельныя. Во второй мы видимъ населеніе еще съ XV ст. затертое національно-политически и придавленное соціально,—такъ что ему теперь совершенно странно ставить вопросъ о томъ, хочетъ ли оно принадлежать къ тому, или другому государству, или даже къ тому, или другому политическому союзу. Какъ населеніе религіозное, и при томъ католическое, литовцы, конечно, не довольны принадлежностью къ „еретичной“ Россіи, и ихъ, конечно, можно убѣдить, что съ единовѣрной Польшей имъ было бы лучше, хотя сомнительно, чтобъ ихъ можно было довести до поголовнаго возстанія за отпаденіе отъ Россіи къ Польшѣ: по крайней мѣрѣ такого возстанія не было ни въ

1831 г. когда жмудины даже пробовали рѣзать польскихъ пановъ, какъ дѣлали это потонъ, въ 1846 г., польскіе крестьяне въ западной Галиціи *), ни въ 1863 г., когда возстаніе въ Жмуди, не смотря на усилія ксендзовъ, вовсе не было очень энергично, а тамъ, гдѣ ксендзъ былъ не изъ шляхты, а изъ крестьянъ, то, говорятъ, его и совсѣмъ не было.

Но допустимъ, что старое польское государство возстановлено,—и среди 30 миліоновъ населенія его (10—11 миліоновъ поляковъ) оказывается и 2½ миліона литовцевъ,—почти исключительно крестьянъ. Лучше ли бы съ ними обращался сеймъ Польши, чѣмъ парламентъ Германіи обращается съ познанскими поляками, или галиційскій съ русинами? Сомнительно. А если такъ, то стоитъ ли мѣнять господина?!...

Но, говорятъ, такого не было бы, если бъ Польша была возстановлена революціоннымъ путемъ, да еще при дѣятельномъ участіи непольскихъ населеній, въ томъ числѣ и литовскаго,—которыя въ такомъ случаѣ имѣли бы достаточно силы, чтобъ и не позволить поставить себя въ подчиненное положеніе, даже, если бы поляки и возымѣли неблагородное желаніе господствовать надъ ними. Литвины напримѣли бы областное самоуправленіе, свой языкъ въ школахъ, а если бы захотѣли, то и свой университетъ. Если же такъ, то, спрашивается, почему подобный союзъ назывался бы Польшею? а слѣдовательно непонятно, за чѣмъ это нужно приступать къ агитаціи среди литовскаго населенія во имя возстановленія Польши и Люблинской уніи, отъ которой собственно литовскому населенію было по меньшей мѣрѣ ни тепло, ни холодно,—а не прямо во имя интересовъ самаго литовскаго населенія?

Уже и опытъ 1830—31 гг., когда Царство Польское имѣло свою армию,—показалъ, что безъ поголовнаго возстанія не только поляковъ, но и всѣхъ націй, „забранныхъ краевъ невозможно освободить отъ Россійской имперіи даже Конгрессовую Польшу,—а, слѣдовательно, сторонники даже одного этого освобожденія, должны были въ 60-е годы употребить всевозможныя усилія, чтобы привлечь къ новому возстанію эти населенія. А для этого надо было, чтобъ сторонники эти, а также друзья ихъ въ польскихъ губерніяхъ, употребили больше усилій, чтобъ изучить потребности и характеръ этихъ населеній, войти въ ихъ интересы, слиться съ ними языкомъ и трудомъ,—безъ чего невозможно пріобрѣсти ихъ довѣрія,—а потомъ и поднимать эти населенія за ихъ, а не за польскіе интересы. Если же такъ, то опять спрашивается: почему такое возстаніе было бы польскимъ возстаніемъ,—а не польскимъ, литовскимъ, бѣлорусскимъ и украинскимъ возстаніемъ,—если говорить пока только о вопросѣ національной и областной автономіи и оставить вопросы чисто социальныя, о которыхъ будетъ рѣчь дальше. Необходимо принять во вниманіе, что украинцамъ иѣтъ интереса дѣлиться пополамъ, такъ чтобъ западная ихъ половина вошла бы въ союзъ,—положимъ, не похожій на все прежнее

О жмудской жаккеріи можно прочесть у Шмидта (Geschichte der Polnischen Revolution 1830—31). котораго мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ подъ рукою.

и на положеніе дѣлъ въ Галиціи,—съ Польшею,—а восточная оставалась за Россіей, и что, если украинцамъ лить кровь за автономію, то за автономію всего своего племени. Значитъ предполагаемому возстанію населеній западной Россіи еще болѣе нѣтъ резона производиться подъ знаменемъ Польши. Наконецъ еще въ 1831 г. нашлись среди поляковъ люди, которые увидѣли необходимость поддержки и въ Великороссіи, почему и написали на своихъ знаменахъ: „за нашу и вашу вольность“. И въ самомъ дѣлѣ,—не только трудно себѣ представить полное торжество возстанія въ западной половинѣ Россіи безъ поддержки свободнаго движенія въ Великороссіи, но разъ допустивши, что цѣлью вышеупомянутаго возстанія должно быть не возстановленіе старой Польши въ одной изъ ея историческихъ границъ, а установленіе великой федераціи поляковъ, литовцевъ, латышсѣй, бѣлоруссовъ и украинцевъ,—совсѣмъ непонятно исключеніе изъ нея и великоруссовъ.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ необходимости выработать широкую федеральную программу, независимую ни отъ какихъ „историческихъ“ преданій и государственныхъ претензій, программу вполне достойную освободительныхъ идей новѣйшаго времени и могущую дѣйствительно удовлетворить интересы всѣхъ племенъ Восточной Европы.

Читатель можетъ замѣтить, что мы выходимъ за предѣлы предмета, о которомъ начали рѣчь и говоримъ о настоящемъ и будущемъ, вмѣсто обсужденія прошедшаго, къ которому было бы слишкомъ строго прилагать мѣрку, годную развѣ для настоящаго или даже для будущаго. Это замѣчаніе будетъ вѣрно только отчасти. Во первыхъ для дѣятеля все таки недавняго и при томъ для человѣка такого ума и образованія, какими обладалъ Герценъ, никакая теперешняя мѣрка не можетъ быть строгою,—и если бы Герценъ явился и теперь среди насъ такимъ, каковъ онъ былъ, то врядъ ли бы онъ оказался позади многихъ изъ теперешнихъ дѣятелей, а не гораздо болѣе современнымъ, чѣмъ они. А во вторыхъ въ своихъ статьяхъ „Польша и Россія“ 1859—1860 г. Герценъ самъ очень ясно намѣтилъ основы той широкой федеральной программы, о которой мы сейчасъ сказали. Онъ только не развилъ ее въ деталяхъ,—и не обнаружилъ должной настойчивости передъ претензіями „историческаго“ польскаго патріотизма, а потомъ въ горячую минуту сдѣлалъ ему еще болѣе уступокъ. Причиною тому было главнымъ образомъ отсутствіе детальныхъ знаній относительно западныхъ провинцій Россіи и отсутствіе непосредственныхъ впечатлѣній отъ ихъ жизни,—хотя нельзя сказать, чтобъ знаменитый великорусскій демократъ былъ совсѣмъ лишенъ предостереженій съ мѣста, по крайней мѣрѣ изъ одной изъ западныхъ провинцій.

Самое выдающееся изъ этихъ предостереженій было письмо, помѣщенное въ 61 листѣ „Колокола“ (1860 г., 15 Января) какъ передовая статья подъ заглавіемъ „Украина“. и вызванное прямо статьею Герцена въ 34 №, изъ которой мы привели выше выдержки. Письмо это, очевидно, принадлежитъ перу одного изъ главныхъ членовъ кіевскаго братства 1847 г. и замѣчательно во многихъ отношеніяхъ,—такъ что

мы рѣшились перепечатать его особо отдѣльной брошюрой. Здѣсь мы приведемъ изъ него нѣсколько выдержекъ, которыя наиболѣе прямо идутъ къ занимающему насъ вопросу.

Начавъ съ благодарности издателю „Колокола“ за слова его объ Украинѣ, сказанныя въ 34 №, какъ „за одну изъ многихъ истинъ, которыя онъ первый высказалъ печатно на русскомъ языкѣ“, авторъ письма приступаетъ къ изложенію своихъ „задушевныхъ убѣжденій“.

„Большинство великорусской и польской публики, говоритъ онъ, привыкло не считать насъ (украинцевъ) отдѣльнымъ народомъ. Этотъ ошибочный взглядъ возникъ отъ того, что дворянъ-малороссіянъ нѣтъ, за исключеніемъ немногихъ, которые въ послѣднее время, вмѣстѣ съ сознаніемъ о несостоятельности дворянской институціи, обращаются къ чистому народному источнику; и прежде у насъ не было дворянъ: они были чужіе, хотя и происходили отъ нашей крови; прежде они становились поляками, теперь—великороссіянами. Народность *малороссійская*, какъ привыкли ее называть съ легкой руки дьяковъ Алексѣя Михайловича, всегда оставалась достояніемъ угнетеннаго сословія, потомъ и кровію утучнявшаго и Вишневецкихъ и Разумовскихъ. Можно ли признать народомъ *мужичье*? Можно ли давать ему права самобытнаго существованія?

„Такъ думали и думаютъ многіе изстари. Намъ случалось слышать отъ либеральныхъ поляковъ, что о принадлежности Волыни и Подоли Польшѣ не можетъ быть и сомнѣнія, потому что весь образованный классъ народонаселенія этихъ краевъ—поляки и тянутъ къ Польшѣ душой и тѣломъ; что же касается до сплошной массы чернаго народа, то его не слѣдуетъ о томъ и спрашивать, потому что онъ не можетъ отвѣчать, будучи невѣжественъ въ государственныхъ вопросахъ. Либералы-великоруссы, или наслышавшись польскихъ доказательствъ и привыкшіе считать націями только такіе народы, у которыхъ были государи, дворы и дипломаты, великодушно жертвуютъ полякамъ эти края,—или же, подъ вліяніемъ патріотизма, развитаго Устряловымъ, почитаютъ ихъ непререкаемою собственностью Россіи, и такимъ образомъ вопросъ о принадлежности земель, населенныхъ нашимъ народомъ составляетъ спорный пунктъ между свободолюбщими (людьми) обонхъ славянскихъ племенъ. А ларчикъ открывается просто: спорныя земли не принадлежатъ ни тѣмъ, ни другимъ,—они принадлежатъ тому народу, который издревле ихъ населялъ, населяетъ и обрабатываетъ“.

Сдѣлавъ за тѣмъ обзоръ исторіи Украины и указавъ, какъ на главную причину ея упадка, на раздѣлъ ея въ концѣ XVII в. между Москвою, Польшею и Турціей, авторъ переходитъ къ украинскому возрожденію въ XIX столѣт. и къ появленію на Украинѣ идей панславизма. „Идея панславизма, говоритъ онъ, принялась на Украинѣ совсѣмъ не такъ, какъ въ Москвѣ, гдѣ она проявлялась въ стремленіи уразумѣть смыслъ тропарей и букварей, или въ риторическихъ похвалахъ старомосковской Руси, подъ которыя боязливо подкладывалась всероссійскому престолу надежда простереть когда нибудь царственную десницу на славянскіе народы и уготовать имъ вождельниую

судьбу Украины и Польши. Въ Украинѣ эта идея тотчасъ облеклась въ свѣтлую форму федеративнаго союза славянъ, гдѣ бы каждая народность сохраняла свои особенности при всеобщей личной и общественной свободѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ возникло убѣжденіе, что только этимъ путемъ Украина можетъ подняться изъ упадка и сохранить свой столь несправедливо и безжалостно поправный образъ. Разсказавъ далѣе судьбу кievскаго братства 1847 г. и его членовъ въ ссылкѣ и вліяніе на Украину оттепели, наступившей въ началѣ царствованія Александра II, — „весны, хотя непостоянной, съ частыми рецидивами зимнихъ морозовъ“, — авторъ предлагаетъ нѣсколько украинскихъ требованій отъ русскаго правительства: дополненіе задуманнаго освобожденія крестьянъ полнымъ уравниеніемъ правъ крестьянъ съ дворянствомъ, а также допущеніе украинскаго языка въ школы, — и за тѣмъ оканчиваетъ свою статью такъ: „Болѣе мы не станемъ требовать и желать собственно для себя, независимо отъ общихъ, совокупно со всей Россіей желаній. Никто изъ насъ не думаетъ объ отторженіи Южной Руси отъ связи съ остальной Россіей. Напротивъ, мы бы желали, чтобъ всѣ другіе славяне соединились съ нами въ одинъ союзъ, даже подъ скипетромъ русскаго государя, если этотъ государь сдѣлается государемъ свободныхъ народовъ, а не всепожирающей татарско-нѣмецкой московщины. Въ будущемъ славянскомъ союзѣ, *въ него же вѣруемъ и его же чаемъ*, наша Южная Русь должна составить отдѣльное гражданское цѣлое на всемъ пространствѣ, гдѣ народъ говоритъ южнорусскимъ, языкомъ, съ сохраненіемъ единства, основаннаго не на губительной мертвящей централизаціи, а на ясномъ сознаніи равноправности и своихъ собственныхъ выгодъ. Чтобъ наши потомки увидѣли то, что едва ли какому нибудь Симеону изъ нашего поколѣнія суждено увидѣть, — надобно, чтобы славяне очищались отъ своихъ старыхъ предразсудковъ.

„Пусть же ни великоруссы, ни поляки не называютъ *своими* земли, заселенныя нашимъ народомъ“.

Въ 1863 г., въ самый разгаръ польскаго повстанія, послѣ того уже, какъ Герценъ принялъ программу делегатовъ варшавскаго революціоннаго правительства, онъ вспомнилъ эту статью, называя ее превосходною и говоря, что съ нимъ „согласны и сами украинцы“, — т. е. иначе, что онъ самъ согласенъ съ федерализмомъ авторомъ статьи „Украина“. („Колоколъ“, № 167). На сколько это заявленіе Герцена было вѣрно, — увидимъ далѣе.

* * *

Представленное выше критическое отношеніе Герцена къ польскому историческому патріотизму и его соціально-демократическое федеральное всеславянство не встрѣчали себѣ ни налѣйшаго отзыва въ польскомъ обществѣ, ни даже, — какъ мы помнимъ по собственнымъ наблюденіямъ изъ временъ нашего студенчества (въ Кіевѣ, 1859—1863) среди молодежи. Въ польскомъ обществѣ и печати царствовало безъ соперника убѣжденіе, что „Литва и Русь“ интегральныя части Польши, — а среди польскихъ демократовъ господствовало убѣжденіе, что соціальный переворотъ и даже какія нибудь уступки крестьянамъ

необходимо дѣлать, соображаясь съ ходомъ вопроса о возстановленіи Польши;—а такъ какъ это возстановленіе требовало дѣятельнаго участія помѣщиковъ и даже заграничной дипломатіи,—то, понятно, что даже крайніе демократы и социалисты не могли дать вполнѣ свободнаго хода своимъ социально-экономическимъ идеямъ, какъ и своимъ свободнымъ мнѣніямъ о религіи *). Казалось бы, что при такомъ коренномъ различіи въ идеяхъ, союзъ между „Колоколомъ“ и польскими революціонерами былъ невозможенъ. И однако жъ онъ состоялся.

Герценъ разсказалъ въ своихъ замѣткахъ, какъ это случилось. (Сборникъ посмертныхъ статей, 211—216).—„Если въ Россіи, говорилъ Герценъ делегатамъ варшавскаго революціоннаго комитета,—на нашемъ знамени не увидятъ *надѣлъ земли (крестьянамъ) и волю провинціямъ, то наше сочувствіе вамъ не принесетъ никакой пользы, а насъ погубитъ*“.—Вы будете нами довольны, отвѣчали делегаты.—Такой разговоръ происходилъ уже послѣ редакціи прокламаціи, которая должна была появиться въ „Колоколѣ“. какъ отвѣтъ на письмо польскаго революціоннаго комитета. Въ отвѣтъ этомъ Герценъ написалъ слѣдующія рѣшительныя слова не только отъ себя, но и отъ всей своей группы: „тотъ русскій, который и на этомъ основаніи не подастъ руки полякамъ, тотъ не любитъ свободы“. Между тѣмъ, взглянувъ холоднымъ окомъ на „основанія“ начертанныя польскими делегатами,—нельзя не увидѣть, что между Герценомъ и этими послѣдними произошло крупное недоразумѣніе, граничившее чуть не съ мистификаціей.

Авторы представленной Герцену деклараціи „отъ центрального народнаго польскаго комитета въ Варшавѣ“, (Колоколъ, 1 октября 1862) заявили, что признаютъ „право крестьянъ на землю, обрабатываемую ими и полную самоправность всякаго народа располагать судьбою своею“. Но дальше, при развитіи этого положенія, оказалось, что надѣлъ крестьянскій, размѣръ котораго не былъ опредѣленъ,—обѣщался „на основаніи выкупа“. Но на этомъ основаніи еще раньше назначенъ былъ крестьянамъ во всѣхъ западныхъ провинціяхъ надѣлъ „отъ Царя“, по Положенію 19 февраля 1861. Новаго польскіе революціонеры обѣщали крестьянамъ—развѣ т. наз. „прекращеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ и обязательный выкупъ“,—и 2) выкупъ за надѣлы, принятый прямо на государственнѣй бюджетъ (какъ въ Австріи), а не на взносы однихъ крестьянъ. Но къ первому склонилось само правительство, въ виду рѣшительнаго нежеланія крестьянъ, особенно на Украинѣ, продолжать какія бы то ни было обязательныя отношенія къ помѣщикамъ, и требованій „царскаго выкупа“, подъ которымъ крестьяне разумѣли совсѣмъ даровое для нихъ полученіе надѣловъ, а администрація разумѣла обязательный выкупъ (Основа, 1862, Сентябрь. Послѣ поѣздки на Волынь. 45) Второе напр. въ Австріи было въ сущности совсѣмъ ви-

*) См. у Герцена объ отношеніяхъ Ворцеля къ окружающимъ его „революционнымъ недорослямъ“. (Сборн. Посмертн. Статей 123—125).

димымъ облегченіемъ крестьянъ,—такъ какъ общее повышеніе пода-тей для покрытія выкупного долга наложило на нихъ такую же плату, какую крестьяне платили въ Россіи въ видѣ своихъ прямыхъ выкупныхъ взносовъ. Декретъ польскаго революціоннаго правительства, изданный въ духѣ деклараціи, помѣщенной въ „Колоколъ“, если и могъ быть гдѣ нибудь полезенъ сравнительно съ *status quo*, такъ это въ Царствѣ Польскомъ,—такъ какъ тамъ совсѣмъ еще не было придумано ни патріотами—помѣщиками, ни правительствомъ общей мѣры о переходѣ надѣловъ въ крестьянскую собственность даже посредствомъ выкупа. Но тутъ этотъ декретъ имѣлъ другую, слабую сторону. Онъ давалъ надѣлы, конечно, съ вознагражденіемъ помѣщикамъ, только крестьянамъ, признаннымъ сидящими на землѣ;—что же касается до безземельныхъ крестьянъ и батраковъ,—то изъ нихъ должны были получить надѣлы только тѣ, которые поступятъ въ ряды повстанцевъ!! (Текстъ декрета см. Giller, *Historja powstania narodu polskiego w 1861—1864 г. I*, 312—312; переводы: въ *Affaires de Pologne. Exposé de la situation suivi des documents et de pièces justificatives 1862*. Изданіе кн. Чарторыйскаго съ видомъ оффиціальнаго. 41—42. Em. Knorr. *Die polnischen Aufstaende seit 1830 Berlin. 1880*. 312—313)*) Но по счету 1859 г. изъ 3.639.000 сельскаго населенія въ Царствѣ было поземельныхъ собственниковъ 6⁰/₀ (218.528, изъ которыхъ крестьянъ 21.944); сидящихъ на землѣ за панщину и чиншъ—55⁰/₀, и безземельныхъ 37⁰/₀. (Zaleski. *Stat. rogowin. Kr. Polskiego. I*, 84). Эти 37⁰/₀, т. е. 1.339.403 человекъ, оставались собственно внѣ благотѣній декрета польскаго революціоннаго правительства. Русское правительство нашло потомъ для части ихъ земли, только конфисковавъ монастырскія имѣнія,—на что революціонное правительство не рѣшалось, по той простой причинѣ, что тогда бы оно лишилось поддержки духовенства, на которое всегда рассчитывали самые красные и самые вольнодумные польскіе революціонеры. Такимъ образомъ вопросъ о надѣлахъ крестьянамъ у польскихъ революціонеровъ 1862—1863 г.г. оказывался сильно подчиненнымъ политическимъ соображеніямъ, въ совершенную противность всему тому, что по этому вопросу учили Герценъ и его друзья,—которые не замедлили бы назвать варшавскій декретъ 22 Января 1863 г. совершенно недостаточнымъ, если бы онъ вышелъ напр. отъ русскаго правительства.

Но если декларація польскихъ революціонеровъ по первому пункту требованій великорусскихъ демократовъ, по аграрному вопросу, были недостаточны,—то уступки ихъ по второму пункту,—по вопросу о „волѣ (западныхъ) провинцій“,—были совсѣмъ призрачны. Уже въ самомъ заявленіи „центрального комитета“, напечатанномъ въ

*) Въ „Золотой Грамотѣ“, изданной послѣ къ „сельскому люду Подолія, Волыни и Украины“ (кіевск. губ.) уже нѣтъ этого условія, но вопросъ о надѣлахъ безземельныхъ крестьянъ (которыхъ тутъ было гораздо меньше, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ) предоставленъ на рѣшеніе будущаго „найвысшаго сейма государственнаго“. (Giller, I 315).

„Колоколъ“ вопросъ о „полной самоправности всякаго народа располагать судьбою своею“ оказывался предрѣшеннымъ въ пользу союза литовцевъ, латышей (витебской и курляндской губ.), бѣлоруссовъ и правобочныхъ украинцевъ съ Польшей, по крайней мѣрѣ на время войны ея съ „Москвою“. Казалось бы „полная самоправность всякаго народа располагать своею судьбою“ должна бы обнимать собою не только свободу жить, съ сохраненіемъ автономіи, въ извѣстномъ союзѣ, но и свободу не приставать къ нему,—свободу не принимать во все участія въ кровопролитіи, поднятомъ по соображеніямъ одного изъ своихъ сосѣдей, который добивается съ ними союза,—а если уже возставать противъ существующей политической комбинаціи, то прежде всего для себя, по своимъ соображеніямъ. Но не такъ понимали эту самоправность польскіе революціонеры: у нихъ восточные сосѣди поляковъ должны были возставать противъ „Москвы“—потому что это нужно для *Польши*, потому что *поляки*—не могутъ отъ нихъ отказаться,—а потомъ уже, возстановивъ Польшу,—и непремѣнно Польшу 1772 г.,—сосѣди эти должны были получить свободу распоряжаться собою. Чтеніе самихъ декларацій 1862—1863 г.,—не говоря уже о положеніи дѣлъ въ Галиціи, позволяетъ намъ прибавить къ словамъ „распорядиться собою“... „если только имъ это позволяютъ поляки“ *).

Вотъ въ самомъ, дѣлѣ какимъ языкомъ говорятъ декларація, „центрального комитета“ о непольскихъ народахъ Польши даже въ „Колоколѣ“: „Мы (т. е. поляки) были лишены политическаго существованія насильственнымъ. Мы этого насилія никогда не признавали и не можемъ признать. По этому мы не признаемъ ни новыхъ границъ, ни правительствъ, основанныхъ на развалинахъ *нашей* свободы. Для насъ нѣтъ *Польши* раздѣленной, для насъ *Польша* единая, та, которая состоитъ въ соединеніи Польши, Литвы и Русиновъ (каково уравненіе: $x = x + y + z$, если только y и z не равны нулю!) безъ всякой гегемоніи котораго нибудь изъ трехъ народовъ. (Почему же тогда это будетъ Польша,—и почему тутъ говорится о трехъ народахъ, когда въ одной Литвѣ 1569—1772 г., было ихъ три: литовцы, латыши

*) Въ виду того, что нѣкоторые польскіе патріоты иногда указываютъ на нѣкоторые права украинской національности въ Галиціи, тогда какъ русское правительство запрещаетъ печатаніе даже самыхъ невинныхъ украинскихъ книгъ, мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что всѣ права, какими пользуются украинцы въ Галиціи, существуютъ не благодаря польскимъ политикамъ, а на зло имъ, признамы не польскими законами и учрежденіями, а австрійскими, и постоянно нарушаются и атакуются всею мѣстною польскою печатью, въ которой дѣйствуетъ много демократовъ—революціонеровъ 1863 г. Галицкая полиція (польская),—въ числѣ агентовъ которой есть тоже не мало участниковъ революціи 1863 г., позволяетъ себѣ арестовывать у крестьянъ и сельскихъ учителей самыя невинныя книжки украинскія, какъ это дѣлаетъ и русская полиція,—а свободная польская печать не только не порицаетъ этого, какъ это все таки, хоть изрѣдка, дѣлаетъ подцензурная русская печать, а вполне поддерживаетъ совершенно противозаконныя дѣйствія польской полиціи противъ русиновъ-украинцевъ.

и бѣлоруссы?) Выходя изъ этой точки зрѣнія, мы стремимся къ восстановленію *Польши* въ прежнихъ границахъ, оставляя народамъ въ нихъ обитающимъ, т. е. литвинамъ и русинамъ (только?) полную свободу оставаться въ союзѣ съ Польшею, или распорядиться собою согласно ихъ волѣ. По истинѣ нельзя не удивляться наивности субъективизма и противорѣчіямъ, заключающимся въ этой тирадѣ,—но дальше исчезаетъ даже противорѣчивое признаніе самостоятельности „Литвы и Руси“,—и документъ просто заявляетъ, что „союзъ членовъ“ искомой Польши „существуетъ и въ настоящее время“ и что „требовать отъ насъ, поляковъ, чтобы мы не стремились къ восстановленію Польши въ прежнихъ(?) границахъ, значитъ, требовать отъ насъ признанія раздѣловъ и отреченія отъ силы, которую придаетъ дѣлу нашей свободы союзъ трехъ, въ одно цѣлое соединенныхъ народовъ“. Такимъ образомъ даже въ деклараціи, представленной такимъ людямъ, какъ Герценъ, вопросъ о непольскихъ народахъ старой Польши былъ поставленъ и даже собственно уже разрѣшенъ съ совершенно субъективной, исключительно польской точки зрѣнія. Но не смотря на это, даже среди демократической партіи, оказались люди, которые находили, что польскіе делегаты въ Лондонѣ уступили слишкомъ много. Такъ генераль Мѣрославскій,—лицо, какъ извѣстно, вліятельное, кандидатъ демократической партіи въ диктаторы Польши,—называлъ делегатовъ, которые совѣщались съ редакціей „Колокола“,—„радикальными чиновниками Бакунина, панславистами, которые согласились на новый раздѣлъ Польши“. (См. Мѣрославскаго: „Lettre du général Mieroslawski au major Brazewicz“, и Бакунина: Un dernier mot sur M. L. Mieroslawski. Genève. 1868).

Конечно, въ виду совершенно централистическаго характера понятій польскаго общества о народахъ старой Польши,—въ прокламаціи 22 Января 1863, изданной варшавскимъ центральнымъ комитетомъ, который выступалъ теперь, какъ „народное правительство“,—исчезли совсѣмъ даже тѣ „три народа“, которые показывались въ лондонской деклараціи,—а признавался только одинъ „народъ Польши, Литвы и Руси“ около „народа московскаго“. (Do broni wiec Narodzie Polski, Ltiwy!.. A teraz odzywamy sie do ciebie Narodzie Moskiewski!). И такой рѣшительный унитаризмъ находился въ полномъ соотвѣтствіи со всѣмъ тѣмъ, что говорилось и писалось въ польскомъ обществѣ всѣхъ партій въ теченіи всего времени, предшествовавшаго возстанію, особенно послѣ 1848 г. (со времени „изобрѣтенія Русиновъ“ въ Галиціи), когда польскіе ораторы и писатели развивали на всякіе лады тему: „niema Rusi, a jest tylko Polska i Moskwa“. Только уже послѣ, когда замѣчено было противорѣчіе манифеста 22 Января 1863 г., который говорилъ только о „равенствѣ и вольности всѣхъ сыновъ Польши безъ различія вѣры и племени (godu), происхожденія и сословія“ въ одномъ „народѣ Польши, Литвы и Руси“,—съ идеей о самостоятельности непольскихъ народовъ, которыхъ тоже требовалось привлечь къ возстанію,—варшавское „народное правительство“ издало 5 Февраля особую прокламацію къ „братьямъ русинамъ“, (сочинена г. Гиллеромъ), но и въ ней не рѣшился не только признать русиновъ вполне само-

стоятельнымъ народомъ,—но даже обращался къ нимъ съ напоми-
ніемъ о томъ, будто „земля ихъ дѣлила съ (польскою) республикою
общее счастье и несчастіе“ (не во время ли Хмельницкаго, Палія или
гайдамаковъ?!) и приглашалъ ихъ не становиться виновными въ за-
держкѣ „возрожденія общей родины“ (Giller, I, 155). Когда въ концѣ
апрѣля 1863 г. поляки приступили къ возстанію и подъ Кіевомъ и
когда вопросъ объ отношеніяхъ дѣйствительной Польши къ „Руси“
получилъ особенную важность, то даже и тогда въ изданной „народ-
нымъ правительствомъ“ на украинскомъ языкѣ „во имя Отца и Сына
и Святаго Духа“ „Золотой грамотѣ“ вопросъ о самостоятельности „Ру-
си“ постарались поставить какъ можно менѣе ясно. Грамота озагла-
влена только: „къ люду сельскому“,—въ концѣ говорится: „къ сельскому
люду Подолін, Волини и Украйны“,—и только этому сельскому люду
обѣщано между прочимъ „употребленіе его языка въ школахъ, судахъ
и земскихъ учрежденіяхъ“, (Giller, I, 312--316)*). Подобнымъ же обра-
зомъ относились польскіе революціонеры и къ бѣлоруссамъ. Такъ
Константинъ Калиновскій, искреннѣйшій демократъ, печаталъ въ Бѣ-
лостокѣ въ тайной типографіи по бѣлорусски листки: *Pismo ad Jaska
haspadağa z rad Wilni*—но озаглавилъ ихъ: „*da muzikow ziemi polskoj*“.
Въ пѣсни, для бѣлоруссовъ назначенной, писалось: „*bywaj zdagowy,
muzicki narodzie*“,—въ другой взывалось „*hu-ha wierniem Polscze!*“ и
т. д. (Giller, I, 326, 334, 104) **) Только 10 мая, когда уже опредѣлился
(сразу) неуспѣхъ возстанія подъ Кіевомъ,—варшавскій комитетъ ре-
дигировалъ новую прокламацію, въ которой, все таки, конечно, не от-
ступая отъ польскаго унитаризма, заговорилъ яснѣе объ „обезпеченіи
братскимъ народамъ Литвы и Руси, соединеннымъ съ Польшею, самое

*) Считаю нужнымъ замѣтить, что вставка словъ о „свободномъ развитіи
народностей какъ польской, такъ и украинской“ въ адресѣ, который подали по-
дольскіе дворяне въ 1862 г. 1 октября въ текстъ его, напечатанномъ у г. Гиллера,
(II, 398) есть просто фальсификатъ (чей??). Въ официальномъ изданіи *Les affaires
de Pologne* этихъ словъ нѣтъ.

Приводимыхъ у г. Гиллера словъ уже потому не могли сказать подольскіе дво-
ряне, что у поляковъ слово Украина—употребляется только для означенія кievской
губ. (см. сейчасъ въ выдержкѣ изъ „Золотой Грамоты“), а для означенія „украин-
ской“ народности у нихъ употребляется слово *ruski* (отлично отъ *rossyjski*, *mos-
kiewski*, великорусскій),—а также потому, что нѣкоторые изъ подписавшихъ адресъ
предводителей, во время суда надъ ними въ сенатѣ, объявили, что въ присоединеніи
къ Царству Польскому видятъ единственную гарантію отъ прусской партіи „хлопо-
маловъ“, какъ тогда поляки называли сознательныхъ „украинцевъ“.

**) Кстати замѣтимъ, что пѣсни и прокламаціи, писанныя поляками въ
1863—63 гг. для бѣлорусскихъ и украинскихъ крестьянъ показываютъ совершенное
отсутствіе реальнаго изученія жизни и назанъ этихъ крестьянъ и отличаются, кромѣ
плохого, часто помосковленнаго языка, еще фальшивымъ тономъ: то приторно-санти-
ментальнымъ в салонно-клерикальнымъ, то ухорски-кабацкимъ. Тонъ этотъ вполне
отвѣчаетъ характеру тогдашней пейзажно-хтонской литературы польской, которой не
доставало вовсе адроваго народничества украинской и великорусской литературы.

широкое развитіе ихъ народности и языка" (Gillet, 322—323). Но это заявленіе было столь же запоздалымъ, какъ запоздалымъ было (1849 г.), послѣ всѣхъ проявленій мадьярскаго централизма и исключительности, провозглашеніе равноправности народовъ Венгріи правительствомъ Кошута уже тогда, когда Паскевичъ вступилъ въ Венгрію. Мадьярамъ надо было сдѣлать подобное заявленіе по крайней мѣрѣ еще въ 1840 г., а полякамъ по крайней мѣрѣ въ 1848 г., да и согласить съ нимъ всѣ предреволюціонныя дѣйствія съ того самаго времени. Тогда бы конечно, не погибло почти напрасно столько благородной крови,—но тогда бы и воззваніе 22 Января не было пропитано такимъ польско-централистическимъ духомъ и въ деклараціи, напечатанной въ „Колоколѣ“, не было бы столько софистики, которая тѣмъ печальнѣе, чѣмъ болѣе она была искренна.

Но Герценъ по видимому не замѣчалъ ни этой софистики, ни уклоненій варшавскаго „народнаго правительства“ даже отъ тѣхъ уступокъ, какія сдѣлали делегаты послѣдняго въ деклараціи, напечатанной въ „Колоколѣ“. Въ статьяхъ своихъ, напечатанныхъ вслѣдъ за этою деклараціею („Центральному польскому комитету въ Варшавѣ“,—„Къ русскимъ офицерамъ въ Польшѣ“ и пр.) Герценъ вполне становится на польскую субъективную точку зрѣнія: „Что *Польша* желаетъ остаться въ федеральномъ (?) союзѣ со всѣми народами, входившими въ цѣлость Рѣчи Посполитой,—говоритъ онъ,—это совершенно естественно, какъ и то, что *она* не можетъ признать насильственнаго раздѣленія, не отрекаясь отъ самостоятельности своей, тоже ясно. Если бы было иначе,—то Варшава, какъ и Петербургъ, призналъ бы Галицію—Австріей, Познань—Пруссіей“. Въ словахъ этихъ, кромѣ общаго исхода съ точки зрѣнія только Польши да Варшавы,—видно еще и незнаніе того, что напр. Галиція прежде всего совсѣмъ не Польша,—какъ напр. Познань. Галиція—прежде всего „Галицкая Русь“ и даже во время существованія польскаго государства называлась воеводствомъ „руськимъ“. Какъ „Червоная или Малая Русь“ она была присоединена къ наследственнымъ владѣніямъ венгерско-австрійской короны, и только послѣ того соединена была административно съ чисто польскими землями воеводства краковскаго,—отъ котораго впрочемъ нѣкоторое время была и вновь отдѣлена. И если теперь обыкновенно всѣ земли, доставшіяся Австріи отъ польскаго государства называютъ Галиціей (официальный ихъ титулъ: Королевство Галицкое и Владимірское съ Великимъ княжествомъ Краковскимъ), то все таки восточная ихъ часть, Галиція собственно, такая же Польша, какъ и Кіевская губернія.

Эту же Кіевскую губернію Герценъ все же не былъ расположенъ такъ легко уступать Польшѣ, какъ легко думали забирать ее польскіе делегаты. Вообще Герценъ, даже и принявши въ общей основѣ программу варшавскихъ делегатовъ,—все же не могъ совершенно отказаться отъ своихъ прежнихъ взглядовъ, но черезъ это только запутывался въ непримиримыя противорѣчія. Онъ напр. возвращается къ прежнимъ своимъ федеральнымъ идеямъ. „Съ своей стороны, пишетъ онъ,—поляки должны понять, что сохранить тотъ

же федеративный союзъ (съ „западными губерніями“) будетъ стремленіемъ не только правительства русскаго, но и всего русскаго народа. Какой же русскій не считаетъ,—и при томъ совершенно справедливо,—*Кіевъ* такимъ же русскимъ городомъ какъ и *Москву*“. Выходило бы такинъ образомъ, что *Кіевъ*,—федеративную связь съ которымъ желаютъ сохранить и поляки, и русскіе, долженъ бы соединить между собою федеративною связью и Варшаву съ Москвою. Но „варшавское правительство“ и думать не хотѣло о такой связи, а просто хотѣло отдѣлать отъ Москвы и Варшаву, и *Кіевъ*, который, по господствовавшимъ тогда (да и теперь) понятіямъ въ польской литературѣ, только случайно отпалъ отъ Польши, благодаря трудному положенію послѣдней при королѣ Янѣ III (L. Chodzko. La Pologne historique, etc. ст. 9. Полякъ-профессоръ даже вовсе ничего не говоритъ европейской публикѣ о Б. Хмельницкомъ). Самъ же Герценъ рассказываетъ, что польскіе дѣятели 1861—64 гг. страхъ боялись всякихъ уступокъ со стороны русскаго правительства, которыя могли бы остановить возстаніе и, какъ думалось, отдѣленіе отъ Москвы всей Польши 1772 г. (Сборн. Поем. сочиненій, 211—212). Какимъ образомъ „русскій, подавшій руку полякамъ“ на поддержку ихъ возстанія, имѣвшаго цѣлью отдѣленіе *Кіева* въ Варшавѣ могъ въ тоже время защищать федеральную связь *Кіева* съ Москвою,—совершенно непостижимо.

Но Герценъ простираетъ свои колебанія далѣе: написавши свое присоединеніе къ деклараціи варшавскихъ делегатовъ, онъ считаетъ однакожъ нужнымъ напомнить имъ о томъ, о чемъ новая польская литература избѣгала говорить,—о старой войнѣ Украины съ польскимъ государствомъ, о Б. Хмельницкомъ, и предостерегаетъ поляковъ, чтобъ Хмельничина послужила имъ урокомъ. Оказывается, что для Герцена „союзъ Украины съ Польшею“ является все таки не такимъ рѣшеннымъ дѣломъ, какъ для варшавцевъ. Издатель Колокола говоритъ: „При теперешнемъ положеніи дѣлъ, узнать, чего желаетъ Литва, Бѣлоруссія, Малороссія, очень трудно. Гнетъ русскаго правительства не даетъ имъ возможности высказаться... Изъ этого ясно видно, что самый вопросъ надобно оставить, не предрѣшая его безъ тѣхъ, кто единственно имѣетъ право его рѣшить. Скажемъ вмѣстѣ съ поляками (?) *быть Литвѣ, Бѣлоруссіи и Украинѣ, съ кѣмъ они захотятъ, или ни съ кѣмъ, лишь бы волю ихъ узнать не поддѣльную, а дѣйствительную*“. Впрочемъ тутъ же Герценъ гадалъ,—что „народъ, села, массы, если не противъ Польши, то, вѣроятно и не за нее“,—и сейчасъ же допускалъ: „тутъ мѣсто самому широкому, законному вліянію польской цивилизаціи“,—и выражалъ вѣру въ польскую „пропаганду искупленія и отреченія отъ старыхъ злоупотребленій, отъ своихъ правъ на поземельную собственность“ и т. п.

Но дѣло въ томъ, что по крайней мѣрѣ относительно Украины трудно было сомнѣваться въ томъ, что она не хочетъ присоединяться къ Польшѣ. Герценъ, видимо не зналъ, что въ Галиціи,—т. е. внѣ „гнета русскаго правительства“ украинская журналистика и старой партіи („Слово“), и молодой („Вечерницы“) уже въ 1862 г. высказалась противъ возстановленія Польши въ границахъ 1772 г. И въ самой

Россіи, не смотря на цензуру, польская сторона успѣла довольно вразумительно поставить вопросъ о принадлежности западныхъ губерній Польшѣ (въ „*Slowo*“ г. Огрызко, „*Kurier Wilenski*“ г. Киркора, *Biblioteka Warszawska* и даже въ Аксаковскомъ „*Днѣ*“, въ статьѣ М. Грабовскаго),—на что украинская сторона отвѣчала въ „*Основѣ*“ статьями гг. Костомарова, Кулиша и молодыхъ „хлопомановъ“ Антоновича и Рыльского, которые сами вышли изъ рядовъ польской демократіи, но разошлись съ нею именно передъ началомъ повстанскаго движенія за возстановленіе исторической Польши. Всѣ украинскія статьи на разные лады развивали казацкую тему: маєте собі своју Польшчу, а намъ наша Україна останеться“. Что же касается до самыхъ „хлоповъ“ украинскихъ, о которыхъ Герценъ предполагалъ, что они „не противъ Польши“, то они напр. въ своихъ пѣсняхъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ высказались именно „противъ Польши“. Въ 1862—63 гг., „хлопы“, будучи возбуждены вопросомъ эмансипаціи и способомъ, какъ исполняли даже Положеніе 19 февраля 1861 г. помѣщики,—единственными представителями Польши, которыхъ знали крестьяне,—явно готовились воспользоваться польскимъ (въ Украинѣ неизбежно панскимъ) возстаніемъ, чтобъ начать жаккерію,—о чемъ кричала польская печать въ Россіи и за границей, въ своей полемикѣ съ украинскими „хлопоманами“ на всѣхъ языкахъ отъ польскаго, до русскаго и французскаго *).

И при такихъ условіяхъ Герценъ совѣтовалъ „не предпрѣшать вопроса“ даже объ Украинѣ, совѣтовалъ прежде всего „узнать ея неподдѣльную волю“ и даже возлагалъ надежду на пропаганду искупленія и отреченія (польскихъ пановъ) отъ старыхъ злоупотребленій и своихъ правъ на поземельную собственность“. Но „не предпрѣшать вопроса“ значило бы въ данномъ случаѣ—„не поднимать возстанія“, по крайней мѣрѣ на Украинѣ,—а между тѣмъ польскіе революціонеры, даже тѣ, кто искренно желалъ только узнать „неподдѣльную волю“ непольскихъ народовъ бывшей Польши по политическому вопросу,—хотѣли прежде всего возстанія этихъ народовъ противъ Россіи подъ знаменемъ, которое во всякомъ случаѣ было непопулярно по крайней мѣрѣ на Украинѣ. Что же касается до „законнаго вліянія польской цивилизаціи, пропаганды искупленія и отреченія и пр.“,—то допустимъ даже, что ею въ состояніи были проникнуться польскіе помѣщики, которые на дѣлѣ отнимали у крестьянъ даже ту землю какая была за ними записана по инвентарнымъ правиламъ 1848 г.,—на все это нужно было время,—а варшавскій комитетъ уже объявилъ прямую войну русскому правительству **).

*) Выдержки см. въ нашихъ статьяхъ въ „*Вѣстникѣ Европы*“: „Восточная политика Германіи и обрусеніе“ 1872 г. II—V и „*Евреи и поляки въ Югозападномъ краѣ*“ 1875. VIII.

**) Напр. въ Кіевской губ. по инвентарямъ 1847 г. крестьянамъ должно было отойти 1.231,472 десятины, а по уставнымъ грамотамъ, составленнымъ польскими помѣщиками и посредниками до 1863 г. отходило только 1.061,969 д. Тоже было и въ другихъ зап. губерніяхъ (Чубинскаго. Труды экспедиціи. VII, 515). Къ сожалѣнію

Фразу Герцена о настроеніи массъ народа въ западныхъ губерніяхъ относительно Польши скорѣе можно было, перевернувши, приложить къ отношеніямъ ихъ къ Россіи: „не за Россію, но и не противъ нее“. Придавленный крѣпостнымъ правомъ народъ даже на Украинѣ сталъ представлять себѣ теміо чисто политическіе вопросы. Сейчасъ послѣ присоединенія къ Россіи народъ не влюбилъ ее главнымъ образомъ черезъ подушное и рекрутчину,—но Польшу ненавидѣть все таки не пересталъ, такъ какъ она ему представлялась въ образѣ ежедневно допекающей панины. Народная пѣсня того времени,—не забытая и до сихъ поръ,—сравнивала оба государства съ мрачными тучами: „Наступила чорна хмара, настала шче ј синья: Була Польшча, була Польшча, та ј стала Россіја!“...

Съ теченіемъ времени память о меньшихъ государственныхъ тяготахъ до присоединенія къ Россіи слабѣла, а панина между тѣмъ усиливалась,—такъ что народъ на правомъ берегу Днѣпра несомнѣнно былъ гораздо болѣе враждебенъ противъ Польши передъ 1863 г., чѣмъ былъ онъ передъ 1830—31 г.,—и потому въ виду польскаго возстанія долженъ былъ стать *de facto* за Россію. Единственное возстаніе, въ которомъ народъ могъ бы принять участіе, это было бы прямое возстаніе противъ пановъ. Но на такое возстаніе не рѣшались самые красные изъ польскихъ демократовъ, которые все таки звали крестьянъ прежде всего бить „москалей“ *). Что касается до болѣе

мы не имѣемъ мѣста, чтобъ остановиться на аграрной политикѣ польскихъ помѣщиковъ передъ возстаніемъ 1863 г., а она то и имѣла рѣшающее вліяніе на поведеніе крестьянъ во время возстанія. Кромѣ того, объ этой политикѣ слѣдовало бы сказать въ виду того, что польскіе писатели, даже демократы, какъ г. Гиллеръ (членъ варшавскаго центрального комитета) наклонны представлять польскихъ помѣщиковъ слишкомъ большими друзьями крестьянъ, опираясь на то, что первый рескриптъ о приступѣ къ эмансипаціи крестьянъ данъ былъ вслѣдствіе переговоровъ виленскаго генералъ-губернатора съ ^{названными} мѣстными панамъ въ 1857 г. Между тѣмъ уже изъ изданныхъ въ 1860 г. „Матеріаловъ для ист. упраздненія крѣпости. сост. и пр.“, можно видѣть, что виленскіе помѣщики вовсе и не просили Царя объ эмансипаціи крестьянъ, а только согласились заняться вопросомъ крестьянскимъ и послать для изученія его экспедицію въ Германію, (ор сит. 137—138). По тѣмъ же матерьяламъ, а также по тому, что напечатано въ трудѣ г. Скребицкаго, въ Зап. сенатора Соловьева и др., видно, что и послѣ стремленія почти всѣхъ помѣщиковъ западныхъ губерній не шли дальше „остзейскаго“ освобожденія, т. е. безъ земли и съ сохраненіемъ вотчинной полиціи. Во всѣхъ адресахъ, поданныхъ въ 1862—63 гг. помѣщиками о присоединеніи западныхъ губерній къ Ц. Польскому высказывались жалобы на небезопасное настроеніе крестьянъ. И отъ такихъ людей ждали „отреченія отъ правъ собственности!“

*) И въ самомъ Царствѣ Польскомъ происходили въ 1861—63 г. волненія крестьянъ противъ помѣщиковъ и тамъ постоянно высказывался (даже въ кругахъ революціонеровъ) страхъ „жаккеріи“. И тамъ крестьяне могли бы быть подняты только прежде всего противъ помѣщиковъ. Между тѣмъ революціонеры,—даже и не такіе бѣлые, какъ Лангевичъ,—взяли на себя роль совершенно невыполнимую для рево-

образованныхъ украинцевъ, то ихъ настроеніе,—довольно ясно высказанное и въ печати 1861—1863 гг., не смотря на цензуру, было довольно близко къ настроенію ихъ крестьянства. Будучи явно „противъ Польши“, они тоже не были „за Россію“—но не были и противъ нея,—особенно не были еще готовы дѣйствовать противъ нее. Начать съ того, что сознательныхъ украинцевъ было еще очень мало, и они были очень слабы,—такъ какъ имъ нужно было (да нужно и теперь) нарождаться посредствомъ труднаго нравственнаго процесса изъ польскаго и русскаго привилегированнаго общества на правомъ и лѣвомъ берегу Днѣпра и за тѣмъ искать себѣ опоры въ массахъ народа. Для послѣдняго нужно было много предварительной работы. Въ политическомъ отношеніи не только слабость украинской партіи, но и самыя историческія условія украинскаго племени вообще производили то, что украинскіе автономисты склонялись не столько къ сепаратистическому идеалу по отношенію къ Россіи, сколько къ федеральному. Не отдѣленіе отъ Россіи,—а тѣмъ болѣе къ Польшѣ,—а преобразование ея, возможное только при дружномъ участіи всѣхъ ея народовъ, начиная отъ великоруссовъ, занимали въ 60-ые годы украинскихъ автономистовъ, какъ можно видѣть и на цитированной въ предыдущей главѣ статьѣ въ „Колоколѣ“ *). Подобные украинскимъ, хотя еще болѣе ихъ слабые кружки, стали образовываться, и среди литвиновъ и даже бѣлоруссовъ. Развитіе всѣхъ этихъ кружковъ, сближеніе ихъ съ массами народа и соединеніе ихъ для совмѣстнаго дѣйствія съ великорусскими съ цѣлью федеральнаго преобразования Россіи требовало времени. Сепаратистическое же движеніе поляковъ даже и въ одномъ Царствѣ Польскомъ могло задержать развитіе либеральнаго и федеральнаго движенія въ Россіи, возбудивъ монархическій и централистическій духъ въ великороссійскомъ населеніи. Перенесенное же на Литву, Бѣлоруссію и на Украину,—да еще въ моментъ, когда крестьяне только что получили какую ни на есть свободу отъ русскаго Царя, это польское движеніе должно было парализировать всякое оппозиціонное движеніе на Западѣ, какъ и на Востокѣ Россіи,—что и случилось въ дѣйствительности и что не такъ то уже трудно было предвидѣть и въ 1862—1863 г.

Послѣ напечатанія „Посмертныхъ сочиненій“ Герцена оказалось, что и онъ, и друзья его очень близки были къ этому предвидѣнію. Тамъ между прочимъ напечатаны письма Огарева и Бакунина къ тѣмъ русскимъ ихъ единомышленникамъ, которые готовились принять актив-

люціонеровъ,—а именно, кромѣ роли войска противъ „москалей“, еще и роль посредниковъ между панями и крестьянами! Послѣднюю роль можетъ исполнить только установленное, сильное войскомъ и администраціей, правительство.

*) Интересно, что легкая струйка сочувствія польскому возстанію на Украинѣ проявилась въ кружкахъ украинофиловъ на лѣвомъ берегу Днѣпра (См. біографію полтавскаго поэта В. С. Кулика въ „Правдѣ“ (львовской) 1874. № 12), гдѣ нѣтъ поляковъ,—тогда какъ на правомъ берегу все, что сознавало украинскимъ, было противно этому возстанію. Это была въ маломъ видѣ исторія Мазепы и Палія.

ное участіе въ польскомъ возстаніи. Огаревъ прямо писалъ: „При теперешнемъ преждевременномъ возстаніи, Польша, очевидно погибнетъ, а русское дѣло на долго потонетъ въ чувствѣ народной ненависти, идущей въ связи съ преданностью Царю, и воскреснетъ только послѣ, когда вашъ подвигъ перейдетъ въ такое же преданье, какъ 14 Декабря и взволнуетъ умы поколѣнія, теперь еще не зачатого. Выводъ ясенъ; отклоните возстаніе до лучшаго времени *соединенія силъ*“..... Бакунинъ писалъ: „Нельзя не сознаться, что общему мѣрному ходу славянскаго и въ особенности русскаго поступательнаго движенія преждевременное и частное возстаніе Польши грозитъ перерывомъ“. (См. соч. 219—221). И Огаревъ, и Бакунинъ, очевидно, думали главнымъ образомъ о Великороссіи, когда писали эти строки,—а потому несомнѣнно, что если бы они ясно представляли себѣ полную безнадежность польскаго возстанія и въ „западныхъ губерніяхъ“ и болѣе критически отнеслись къ самой программѣ польскихъ политиковъ относительно этихъ земель,—то ихъ совѣты русскимъ друзьямъ были бы болѣе настойчивы въ отрицательномъ отношеніи *).

Оказывается, что болѣе наблюдательный и скептическій Герценъ вовсе не такъ былъ увлеченъ деклараціями варшавскихъ делегатовъ, какъ можно было думать, судя по тогдашнимъ статьямъ „Колокола“. Въ статьѣ „М. Б. (Михаилъ Бакунинъ) и польское дѣло“ Герценъ рассказываетъ о своихъ разговорахъ съ Бакунинымъ и съ польскими делегатами въ 1862 г. по вопросу объ участіи русскихъ въ тогдашней польской революціи. Прочитавъ привезенную изъ Варшавы декларацію, Герценъ предложилъ „посильнѣе отгвѣить и яснѣе высказать мысль о самостоятельности провинцій“; настаивалъ онъ и на необходимости больше отгвѣить мысль: „нѣтъ освобожденія безъ земли“. Поляки уступали, но не безъ споровъ. „Этотъ споръ изъ за словъ, говоритъ Герценъ, показывалъ, что сочувствіе наше къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ не было *одинаково*... Б. былъ не доволенъ мною, находилъ, что я слишкомъ холоденъ, какъ будто не довѣряю.

— Чего ты больше хочешь? Поляки никогда не дѣлали такихъ уступокъ. Они выражаются другими словами, принятыми у нихъ, какъ катехизисъ; нельзя же имъ, поднявши національное знамя, на первомъ шагѣ оскорбить раздражительное народное чувство“. (Чье?—Польши!!!)

*) Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что поляки поскупились съ возстаніемъ въ надеждѣ на помощь иностранныхъ правительствъ, особенно Наполеона III. Также несомнѣнно, что поднятіе возстанія въ Кіевской, Могилевской и даже Курляндской губерніяхъ имѣло значеніе прежде всего демонстраціи старыхъ границъ Польши, а также стратегической диверсіи, въ результатѣ которыхъ должно быть по крайней мѣрѣ отдѣленіе,—при помощи западной дипломатіи,—Царства Польскаго,—т. е. возстановленіе „Польши, если не какъ великой, то хоть какъ малой державы“, какъ выразился намъ одинъ молодой польскій революціонеръ въ Кіевѣ въ первый день польскаго возстанія.

— „Мнѣ все кажется, что имѣ до крестьянской земли въ сущности мало дѣла, а до провинцій много“.

— Любезный другъ, у тебя въ рукахъ будетъ документъ, составленный тобой, подписанный при всѣхъ насъ; чего же тебѣ еще?

— Есть таки кое что!...“

— „Ты точно дипломатъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, повторялъ мнѣ съ досадою Б., когда мы потомъ толковали у него съ представителями жонда: придираешься къ словамъ и выраженіямъ. Это не журнальная статья, не литература“.

— „Съ моей стороны, замѣтилъ Г. (одинъ изъ делегатовъ) я изъ за словъ спорить не стану; мѣняйте какъ хотите, лишь бы смыслъ остался тотъ же“.

— „Браво, Г., радостно воскликнулъ Б.

„Ну, этотъ, — подумалъ я, — *пріѣхалъ подкованный и по лѣтне-му, и на шипы*; онъ ничего не уступитъ на дѣлѣ и оттого такъ легко уступаетъ все на словахъ!“ — (Посм. Соч., 213—215).

„Смертельно жаль Потебню и его товарищей (русскихъ офицеровъ въ Ц. Польскомъ, приставшихъ къ революціи), — говорилъ Герценъ Бакунину, — и тѣмъ больше, что врядъ ли имъ по дорогѣ съ поляками“.

О Потебнѣ мы скажемъ далѣе, — а тутъ замѣтимъ, что ожиданіе Герцена сбылось: помощи польскому возстанію онъ не принесть, — а свое дѣло погубилъ. Разсказывая о томъ, какъ это случилось, какъ онъ, споря съ Бакунинымъ, все же „не хотя дѣлалъ не то, что хотѣлъ“, Герценъ говоритъ: „Здѣсь я останавлиюсь на грустномъ вопросѣ. Какимъ образомъ, откуда взялась во мнѣ эта уступчивость съ ропотомъ, эта слабость съ мятежемъ и протестомъ? Съ одной стороны достовѣрность, что поступать надо такъ; съ другой готовность поступить иначе. Эта шаткость, эта поспѣшность, *dieses Zögernde*, надѣлала въ моей жизни бездну вреда и не оставила даже слабой утѣхи въ сознаніи ошибки невольной, неосознанной; я дѣлалъ промахи *à contre sens*; вся отрицательная сторона дѣла была у меня передъ глазами... Сколькими несчастіями было бы меньше въ моей жизни, сколькими ударами, еслибъ я имѣлъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ силу слушаться самого себя“...

Изъ разсказа Герцена скорѣе всего можно вывести заключеніе, что, присоединившись къ польскому движенію 1862—1863 гг., онъ поддался вліянію настойчивости и возбужденности Бакунина. Вліяніе это, несомнѣнно, было, — но оно одно не объясняетъ всего дѣла.

Бакунинъ несомнѣнно имѣлъ значительную долю вліянія на уступчивость Герцена польскимъ патріотамъ въ 1862—1863 г., хотя и у самаго Бакунина были прежде съ ними разногласія въ такомъ же родѣ, какъ и разногласія Герцена. (См. первую статью Бакунина, напечатанную тотчасъ послѣ его побѣга изъ Сибири: „Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ“. Прпложеніе къ „Колоколу“, 15 февр. 1862 г. Выраженныя тутъ идеи о польскомъ вопросѣ тамъ похожи на разобранныя нами статьи Герцена въ 1859—60 гг., въ ихъ сильныхъ и слабыхъ сторонахъ, что намъ бы пришлось повторять

сказанное, еслибъ мы вздумали говорить о нихъ) Но приближеніе взрыва въ Польшѣ увлекло подвижную натуру Бакунина, Это увлеченіе прекрасно нарисовано Герценомъ въ статьѣ „М. Б. и польское дѣло“.

Когда Герценъ замѣтилъ, что врядъ ли Потебнѣ и русскому обществу „Земля и Воля“ „по дорогѣ съ поляками“,—Бакуининъ воскликнулъ: „По дорогѣ, по дорогѣ! Не сидѣть же намъ вѣчно, сложа руки и рефлектируя. Исторію надо принимать, какъ она представляется, не то всякій разъ будешь заурядъ то назади, то впереди... Чего жъ ты больше хочешь? Поляки никогда не дѣлали (и) такихъ уступокъ“... (Посм. соч. 187, 193).

„Бакуининъ вѣрилъ въ возможность военно крестьянскаго возстанія въ Россіи,—говоритъ Герценъ, вѣрили отчасти и мы; да вѣрило и само правительство... В., не сличкомъ останавливаясь на взвѣшиваніи всѣхъ обстоятельствъ, смотрѣлъ на одну дальнюю цѣль и принялъ второй мѣсяцъ беременности за девятый. Онъ увлекалъ не доводами, а желаніемъ. Отъ *хотѣлъ* вѣрить и вѣрилъ, что Жмудь и Волга, Донъ и Украина возстанутъ, какъ одинъ человѣкъ, услышавъ о Варшавѣ; онъ вѣрилъ, что старовѣръ воспользуется католическимъ движеніемъ, чтобъ узаконить расколъ“. (Посм. соч. 197). „За возстаніемъ въ Варшавѣ онъ уже видѣлъ свою славную славянскую федерацію, о которой поляки говорили не то съ ужасомъ, не то съ отвращеніемъ; онъ уже видѣлъ красное знамя „Земля и Воля“ развѣвающимся на Уралѣ и на Волгѣ, на Украинѣ и Кавказѣ, пожалуй, на Зимнемъ Дворцѣ и Петропавловской крѣпости и торопился *какъ нибудь* сгладить затрудненія, затушевать противурѣчія (между собою и польскими революціонерами), не выполнить овраги, а бросить черезъ нихъ чортовъ мостъ“. (Тамъ же 199, 200).

Впрочемъ одного личнаго вліянія, даже столь сильнаго и столь близкаго человѣка, не было бы достаточно для того, чтобъ заставить Герцена уклониться такъ явно отъ того, что онъ еще такъ недавно высказывалъ съ такою силою. Не менѣе Бакунина повліяли на Герцена голоса людей, жившихъ въ Россіи и принадлежавшихъ къ начавшимъ тогда образовываться тамъ кружкамъ практическихъ революціонеровъ. Между этими кружками выдавалось наиболѣе общество „Земля и Воля“. Стремленія этого общества были болѣе соціальныя (надѣлъ крестьянамъ земли), нежели политическія (установленіе въ Россіи конституціоннаго, если не республиканскаго правленія) и оно, уже по этому одному, должно было принципиально сильно расходиться съ тогдашнимъ польскимъ движеніемъ. Принципіальное различіе между великорусскими и польскими революціонерами было тѣмъ болѣе сильно, что въ рядахъ польской революціи стояла не только демократическая партія, но и аристократическая (и обѣ съ клерикалами), изъ которыхъ, конечно, каждая разсчитывала овладѣть движеніемъ исключительно, но которыя все таки пока ладили между собою,—какъ мы видѣли, въ ущербъ даже далеко не крайнимъ демократическимъ интересамъ. Тѣмъ не менѣе оба революціонные лагеря, польскій и великорусскій, попробовали сблизиться между собою для борьбы „единовременной“ и „противъ общаго врага“.

Такія сближенія мы видимъ сплошь и рядомъ въ исторіи. Многимъ они кажутся вполне естественными, особенно для людей „активнаго темперамента“ и для людей „практическихъ“. Мы бы далеко зашли, если бы стали разбирать общій вопросъ о достаточности для политической дѣятельности, въ томъ числѣ и для революціонной, одного такъ называемаго „активнаго темперамента“ и о практичности, особенно для революціонеровъ-новаторовъ, союзовъ, заключаемыхъ единственно или главнымъ образомъ на основаніи единовременности борьбы съ „общимъ врагомъ“. Замѣтимъ только, что союзъ великорусскихъ демократовъ-революціонеровъ съ польскою революціею 1863 г. въ ея цѣломъ, въ томъ числѣ и съ тѣми людьми, которые сами питали отвращеніе отъ ихъ „нигилистическаго“ образа мыслей и социалистическихъ стремленій, и которые иначе не могли смотрѣть на нихъ, какъ на средство для отвлеченія силъ врага,—и въ своей интимной перепискѣ, ставшей потомъ гласною, называли ихъ „панурговымъ стадомъ“,—не принесли практическихъ выгодъ дѣлу великорусскихъ революціонеровъ. Но главное дѣло въ томъ, что во всякомъ политическомъ движеніи есть и теоретическая сторона, которая, при внимательномъ анализѣ, оказывается едва ли не главною, такъ какъ она собственно опредѣляетъ цѣль движенія, вдохновляетъ и даже порождаетъ практиковъ. Эта сторона движенія представляется писателями, которые имѣютъ свою общественную службу и тѣмъ лучше ее исполняютъ, чѣмъ меньше отклоняются отъ своей роли—именно теоретиковъ: неуступчивыхъ, несговорчивыхъ, непрактичныхъ людей,—des vgrais intransigeants, если говорить моднымъ французскимъ словомъ.

Герценъ, и по личной своей природѣ, и по всему своему прошлому, былъ именно писатель, теоретикъ,—котораго служба состояла въ томъ, чтобъ наблюдать факты общественной жизни и говорить о нихъ мысли, вполне независимо отъ всякихъ частныхъ, переходящихъ практическихъ комбинацій, кружковъ, партій и т. п.—и какъ таковой онъ именно и приобрѣлъ громадное вліяніе на общественное мнѣніе въ Россіи. Россія же болѣе, чѣмъ какая другая страна, нуждается въ такихъ чистыхъ, несговорчивыхъ теоретикахъ, какъ потому что теоретическое политическое образованіе въ ней скудно и до сихъ поръ, такъ и потому что, въ Россіи—благодаря отсутствію политической свободы,—не существуетъ возможности для такихъ дѣйствительно практическихъ сдѣлокъ (компромиссовъ), какія заключаются напр. въ Англіи, гдѣ каждая партія, имѣвшая тысячи случаевъ выяснить свои теоретическія основы и цѣли,—входитъ, по требованію обстоятельствъ, съ полнымъ сохраненіемъ этихъ основъ и цѣлей, въ союзъ съ другими партіями на данную минуту, для достиженія рѣзко опредѣленной частной цѣли,—для поверженія ли общаго противника или соперника, или же для проведенія опредѣленной мѣры, до которой только и успѣлоdorости въ данную минуту среднее общественное мнѣніе. Въ Россіи и до сихъ поръ, а въ 60-ые годы тѣмъ болѣе, едва ли не самые практически полезные люди—были бы именно „непрактическіе теоретики“. Такииъ рожденнымъ теоретикомъ былъ Герценъ. И вдругъ ему, передъ началомъ польскаго возстанія, въ ко-

торомъ перепуталось столько практическихъ комбинацій запутавшихъ своими дѣлами круги отъ „нигилистовъ“ въ Россіи до папы Пія IX и Наполеона III, одни предлагаютъ связать свою судьбу союзомъ съ тайнымъ правительствомъ чужой націи, которое, по ходу дѣлъ своей націи, ставитъ во главѣ своей то чуть не социалистовъ, то Мѣрославскаго, то Лангевича, то назначаетъ своимъ представителемъ Чарторыйскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ Герцену, предлагаютъ „сдѣлаться агентомъ общества „Земли и Воли“, въ которомъ только и было практически-сильного, что самое имя, взятое изъ статьи Огарева въ „Колоколѣ“ же! Изъ „Поемертныхъ Сочиненій“ видно, какъ колебался Герценъ, какъ онъ чувствовалъ несообразность предлагаемыхъ ему ролей съ его природою и положеніемъ, завоеваннымъ его прежнею чисто-писательскою дѣятельностью. *Агентуру* „Земли и Воли онъ просто называлъ „глупою“ (Сб. Посм. Соч., 217),—и прямо отказался отъ нея,—но договоръ съ варшавскими делегатами онъ все таки подписалъ,—а это на дѣлѣ свело его на роль „агента“ и варшавскаго тайнаго правительства, и „Земли и Воли“, которая связала свою судьбу и вмѣстѣ съ тѣмъ, на нѣкоторое время, судьбу всего революціоннаго движенія въ Россіи, съ польскою революціею, такъ мало съ нимъ гармонировавшею и по принципамъ, и по своевременности.

Объ этомъ русскоиъ революціонномъ движеніи очень трудно говорить сколько нибудь обстоятельно, такъ какъ оно покажѣсь не оставило по себѣ никакихъ печатныхъ памятниковъ, кромѣ прокламацій, появлявшихся въ то время (1861—1863 гг.) въ Петербургѣ. А потому то, что мы скажемъ сейчасъ объ этомъ движеніи, мы будемъ говорить съ большимъ опасеніемъ ошибиться и будемъ крайне благодарны, если кто поправитъ наши, очень и очень возможные, ошибки.

Если судить о русскомъ революціонномъ движеніи 1861—1863 гг. по печатнымъ прокламаціямъ, то можно сказать, что въ началѣ оно имѣло болѣе народную, менѣе государственную идейную подкладку, чѣмъ въ послѣдствіи. По крайней мѣрѣ въ прокламаціи „Великоруссъ“ явно видно отрицаніе единообразія Россіи и нежеланіе говорить за всю Россію, не только за польскія земли ея—полную самостоятельность которыхъ „Великоруссъ“ признаетъ, но и за украинскія. Вотъ что читаемъ мы во 2 № „Великорусса“.

„Таже самая надобность уничтожить систему вооруженнаго насилія требуетъ, чтобы дана была населенію Южной Руси полная свобода располагать своей судьбой по собственной волѣ. Теперь этотъ народъ еще не могъ высказать своихъ желаній. Но извѣстно, что онъ крайне недоволенъ нашимъ господствомъ. До какихъ бы требованій ни довело это недовольство, мы должны уступить имъ. Если онъ хочетъ отдѣлиться совершенно, пусть отдѣляется. Захочетъ ли онъ этаго мы не знаемъ; да и самъ онъ едва ли рѣшитъ это, при настоящей своей безгласности. Но судя по живому чувству страданія отъ нашего деспотизма, должно ожидать, что при первой возможности подумать о своей судьбѣ, онъ захочетъ отойти отъ насъ. Будемъ готовы и на такое рѣшеніе. Мы, великоруссы, достаточно сильны, чтобы остаться однимъ, имѣя въ себѣ всѣ элементы національнаго мо-

гущества... Вотъ объясненіе имени, носимаго нашею газетою^a. (Перепечатано въ „Колоколъ“, 15 окт., 1861 г.)

Прошло не много времени,—и общество „Земля и Воля“,—хотя и болѣе радикальное, чѣмъ „Великоруссъ“, по вопросу социальному, стало однакожъ на болѣе государственную точку зрѣнія, подѣливъ Имперію на Россію и Польшу, и предоставивъ въ пользу послѣдней всѣ народы, населяющіе принадлежавшія польскому государству до 1772 г. провинціи. Такое быстрое оставленіе народной точки зрѣнія на части Россійской имперіи для точки зрѣнія государственной имѣетъ себѣ объясненіе въ общемъ характерѣ политическаго образованія русскаго общества на основѣ московско-петербургской цивилизаціи. Ни школа, ни литература великорусская,—обѣ подначальныя государству, не благопріятствуютъ народной точкѣ зрѣнія, которая бы должна была привести образованная общества страны къ ученію о федеративномъ ея устройствѣ,—а благопріятствуютъ точкѣ зрѣнія поверхностно государственной, которая приводитъ къ ученіямъ: централистическимъ и сепаратистическимъ,—представляющимъ собственно родныхъ братьевъ. Изъ всѣхъ политическихъ ученій народно-федеративное имѣетъ наименѣе представителей въ литературѣ великорусской и наиболѣе туго усваивается русской публикой. Одно время,—тогда по смерти Николая I,—реакція его централизаціи проявилась было довольно сильно ученіями, въ родѣ тѣхъ, какія высказывали Герценъ и Бакунинъ, „Великоруссъ“ и др.,—но эта реакція въ обществѣ была неглубока и непродолжительна. Подъ общими фразами анти-централистическаго свойства детали мыслей остались въ обществѣ все таки централистическими.

Интересно, что наиболѣе горячими представителями децентрализационнаго направленія въ русской литературѣ явились въ первые годы правленія Александра II вовсе не публицисты и политики, а историки, этнографы, археологи. Децентрализационное ученіе проповѣдывалось не такъ въ журналахъ и политическихъ трактатахъ, какъ съ университетскихъ кафедръ. Представителями его были въ Кіевѣ профессоръ русской исторіи Пл. В. Павловъ (котораго печатныя статьи „О нѣкоторыхъ земскихъ соборахъ XVI—XVII ст.“ и „Тысячелѣтіе Россіи“ не даютъ полнаго понятія о его лекціяхъ) въ Петербургѣ Н. И. Костомаровъ,—объ идеяхъ котораго публика имѣетъ наиболѣе ясное представленіе, благодаря его рѣдкому литературному таланту,—и въ Казани А. П. Щаповъ;—замѣчательно всѣ три—помятые русской полиціей, что рѣдко случается съ русскими учеными: Костомаровъ былъ въ ссылкѣ съ 1847 по 1857 г., Павловъ съ 1861 по 1866 г., Щаповъ и умеръ въ ссылкѣ. Предполагая мнѣнія Костомарова болѣе или менѣе извѣстными читателямъ и считая этого писателя все таки постороннимъ въ великорусской литературѣ, въ которую онъ вошелъ съ своими украинскими чувствами и ученіями, мы остановимся на Щаповѣ, какъ на великоруссѣ, хотя (что тоже не лишено своего значенія) сынъ далекой окраины, тоже по своему казацкой,—сибирякъ, воспитавшемся тоже не въ россійскихъ центрахъ, а въ Казани.

Политическія ученія Щапова характеризуются всего лучше его

вступительной лекціей, отрывки изъ которой напечатаны въ мало-распространенномъ изданіи, казанскомъ сборникѣ „Первый шагъ“ (1876). Надѣмся, что читатель не посѣтуетъ на насъ за слишкомъ длинныя выписки:

„Скажу напередъ,—говорилъ казанскій профессоръ:—не съ мыслью о государственности, не съ идеей централизаціи, а съ идеей народности и областности я вступаю на университетскую кафедру русской исторіи.

„Въ настоящее время, кажется, утвердилось убѣжденіе, что главный фактъ въ исторіи есть самъ народъ, духъ народный, творящій исторію, что сущность и содержаніе исторіи есть жизнь народная. Это убѣжденіе уже не ново; его начали проводить, осуществлять и въ наукѣ русской исторіи. Но вотъ другое начало, которое еще не сознано ясно въ нашей наукѣ: *начало областности*—позвольте мнѣ его такъ выразить. У насъ доселѣ господствовала въ изложеніи русской исторіи идея централизаціи; развилось даже какое то чрезмѣрное стремленіе къ обобщенію, къ систематизаціи разнообразной областной исторіи; всѣ разнообразныя особенности, направленія и факты провинціальной исторической жизни подводились подъ идею государственнаго развитія...

„...Между тѣмъ, намъ кажется, ни въ одной европейской исторіи такъ не несвойственно, невозможно подобное изложеніе, какъ въ исторіи обширнѣйшаго въ свѣтѣ государства русскаго... Областной элементъ былъ самымъ жизненнымъ, господствующимъ началомъ, главнымъ мотивомъ историческаго движенія до централизаціи; онъ выдержалъ энергическую вѣковую борьбу съ соединительной, централизующей силой государства; онъ многозначительно выразился въ *смутное время*, во время этой великой борьбы областныхъ общинъ, проявлялся въ земскихъ соборахъ въ XVII в., сказался въ разнообразныхъ областныхъ бунтахъ, демократическихъ и инородческихъ, надѣлалъ чрезвычайно много хлопотъ правительству въ теченіи всего XVIII и въ началѣ XIX-го столѣтія,—во время этой длинной процедуры учрежденія губерній и провинцій, возбуждая въ либеральныхъ умахъ, въ знаменитое время тайныхъ обществъ, разные планы и проекты относительно конституціоннаго устройства областей и т. д.—и мы, изучая русскую областную исторію, оставляемъ почти безъ вниманія этотъ *областной элементъ*, сколько загадочный, столько же, быть можетъ, *жиздительный, плодотворный элементъ нашей будущей цивилизаціи*...

„Какъ нѣтъ въ Европѣ самага малаго (вѣрно, опечатка,—вм. большаго), которое бы едва могло равняться съ одною изъ областей Россіи, такъ нѣтъ въ Европѣ народа, который бы отличался такимъ провинціальнымъ этнографическимъ разнообразіемъ, какъ народы, обитающіе въ разныхъ русскихъ областяхъ. Много ли общаго между малороссійскимъ, бѣлорусскимъ и сибирскимъ народонаселеніемъ? Много ли общаго между Польшею и Камчаткою, или между Кавказомъ, Архангельской областью и Казанскимъ краемъ и т. д.? А разныя областныя нарѣчія, изъ которыхъ составилъ особый, цѣлый словарь? А эти характеристическія присловья, которыми такъ мѣтко и

согласно съ исторіей характеризуютъ у насъ жители одной области жителей другихъ? А существованіе у насъ территоріальныхъ округовъ, совершенно независимо отъ округовъ административныхъ, отличныхъ правами жителей, языкомъ, промыслами и т. д.? Все это такъ выразительно, такъ рельефно рисуетъ обширную Россію во всемъ исторически-этнографическомъ разнообразіи ея многочисленныхъ областей,—и въ наукѣ русской исторіи доселѣ не объяснено, отчего образовались такія *областные особенности*, какое онѣ имѣютъ значеніе въ исторіи,—не говоримъ уже о томъ, *какое значеніе онѣ имѣли и могутъ имѣть въ примѣненіи къ государству, къ администраціи, къ народному матеріальному и нравственному быту и т. д.* Уже въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, не только люди науки, но и лучшіе государственные мужи сознавали и официально высказывали то убѣжденіе, что „должно обращать вниманіе на совокупныя права многихъ и великихъ областей, составляющихъ обширную Россійскую имперію, что государство должно вполне соответствовать всѣмъ выгодамъ мѣстнаго положенія различныхъ областей и главному характеру народовъ, населяющихъ эти области. Если когда, то особенно въ наше время, наукѣ русской исторіи необходимо, существенно необходимо уяснить исторію, духъ, характеръ и этнографическія особенности различныхъ областныхъ массъ народныхъ. И весьма утѣшительно, что въ послѣднее время, кажется, и въ самыхъ провинціяхъ стала пробуждаться потребность самосознанія. По крайней мѣрѣ, отрадное явленіе представляютъ мало по малу возникающіе въ нашей литературѣ областные сборники, историко-статистическія описанія губерній и провинцій и изданія областныхъ актовъ и памятниковъ. *Областные сборники могутъ служить не только руководствомъ нашего областного самосознанія, но и органомъ возбужденія въ провинціальныхъ массахъ—идей самосознанія и саморазвитія въ составѣ цѣлаго государственнаго союза*“ (Первый шагъ, 407—412) *).

Изъ подчеркнутыхъ нами словъ видно ясно, что Щаповъ думаетъ не объ одной только старинѣ, но и о современности, когда излагалъ идеи своей „областности“ **). И подобныя слова сходили еще,—и то не всегда,—на кафедрахъ,—но не въ печати, особенно непрофессорамъ. Уже это одно обстоятельство препятствовало распространенію въ публикѣ идей децентрализаціи въ формѣ федеративной. Проповѣданіе ихъ только съ кафедръ историческихъ, главнымъ образомъ по отно-

*) Къ стати, неужели нельзя напечатать полнаго текста этой лекціи Щапова, которую слышавшіе ее и читавшіе ее въ рукописи, признаютъ лучшимъ его произведеніемъ?! Да и вообще стыдно, *) что до сихъ поръ нѣтъ полнаго изданія сочиненій этого замѣчательнаго дѣятеля.

**) Это „стыдно“ болѣе всего должно относиться къ тѣмъ, кто начинаетъ „Первыи Шагъ“ и кончаетъ „Блинами“—къ тѣмъ елейнымъ старцамъ—фарисеямъ, которые предпочли и невинность сохранить и чинъ пріобрѣсти. Издатель.

**) Костомаровъ, потертый ссылкой уже раньше, не разъ оговаривался, что онъ говоритъ „о федеральныхъ началахъ“ только примѣнительно къ „древней Руси“.

шевію къ старинѣ, да еще развѣ по поводу языка и литературы,—тоже преимущественно древней, давало и децентрализационнымъ идеямъ археологическій характеръ. Значеніе децентрализаци для современности, между прочимъ для экономической жизни, оставалось совершенно безъ разъясненія. Это преподаваніе идей политической децентрализации только на фактахъ прошедшаго давало имъ характеръ, мало соотвѣтствующій интересамъ современности. Въ прошломъ децентрализация являлась съ крайнимъ проявленіемъ центробѣжныхъ, именно сепаратистическихъ силъ, такъ какъ, что ни говори напр. авторъ „Мыслей о федеративномъ началѣ въ древней Руси“, а въ его „удѣльно вѣчевомъ укладѣ“, собственно союзныхъ началъ было очень мало и они не были представлены никакою организаціей, даже такою, какую мы напр. видимъ въ средневѣковой Германіи. „Земскій миръ“,—въ которомъ такъ заинтересованы массы населенія, отъ этого былъ крайне мало обезпеченъ во время господства на Востоцѣ Европы будто бы федеративныхъ отношеній (мы не хотимъ этимъ сказать, что интересы населенія были лучше обезпечены и московской централизацией: „московская волокита“ стоила удѣльныхъ дракъ), Федералистамъ, которые проповѣдывали свои идеи только въ оболочкѣ фактовъ средняго вѣка, противники всегда могли указать на непригодность для новаго времени архаическихъ отношеній,—что столько разъ и было говорено напр. противъ Костомарова, котораго господствующія въ русской внутренней политикѣ великорусскія партіи записали въ сепаратисты-романтики, какимъ онъ въ дѣйствительности никогда не былъ. Всѣ отреченія Костомарова и другихъ украинскихъ автономистовъ отъ сепаратизма принимались только за лицемеріе и за боязнь открыто заявить свои затаенныя мысли.

Замѣчательно, что почти такъ же относились къ автономнымъ движеніямъ и тѣ изъ великоруссовъ, которые имъ сочувствовали, какъ это можно видѣть на примѣрѣ Герцена, Бакунина, „Великорусса“. Всѣ они говорятъ о неизбежности или возможности „отдѣленія“—Польши, Украйны, Бѣлоруссін и т. д. и спѣшатъ успокоить великорусскую публику, что, и за отдѣленіемъ этихъ областей, Великороссія все таки останется великою и сильною страной съ 40 миллионнымъ населеніемъ. (См. особенно названную выше статью Бакунина при „Колоколѣ“ 15 Февр. 1861). Но отдѣленіе провинцій и распаденіе державъ въ наши времена дѣло нелегкое. Мы это видѣли на примѣрѣ процесса отдѣленія Ломбардо-Венеціи отъ Австріи, для котораго нужно было не только почти поголовное возстаніе жителей провинцій, но и благопріятное вмѣшательство сосѣднихъ державъ, въ томъ числѣ и не итальянскихъ; мы это видимъ на процессѣ распаденія даже „больной“ Турціи. Массы населенія, даже если въ нихъ крѣпко національно-политическое сознаніе своей особенности, сорокъ разъ подумаютъ, прежде чѣмъ возстанутъ изъ за идеи политическаго сепаратизма. Мы видимъ, что напр. въ Польшѣ массы не возстали ни въ 1831, ни въ 1863 гг. Тѣмъ болѣе не могли онѣ возставать въ Украйнѣ, ни въ Литвѣ, ни въ Бѣлоруссін и т. п. странахъ, въ которыхъ отъ массъ народа отдѣлились въ особія національности классы образованные, естественные теперь

выразители всяких сознательных политических стремлений. А между тѣмъ напрасно бы мы стали думать, что въ массахъ этихъ странъ нѣтъ вовсе чувства и даже сознанія своей національной индивидуальности,—и еще болѣе, что для удовлетворенія ихъ насущныхъ потребностей этимъ странамъ не нужно самоуправленія. Только въ такихъ странахъ автономная идея можетъ имѣть практическое значеніе скорѣе въ видѣ идеи федеративной, чѣмъ сепаратистической.

Но именно федеративная идея и не была разъяснена публикѣ въ Россіи, а потому публика эта даже и въ 80-ые годы понимала собственно только двѣ политическія формы: централизацию и сепаратизмъ,—изъ коихъ послѣдній самъ можетъ имѣть свои централизационныя стремленія. Въ примѣненіи къ западнымъ полосамъ имперіи, русская публика, послѣ нѣкоторыхъ колебаній въ сторону народно-федеральную, стала на томъ, что онѣ должны быть или раздѣлены между Польшей и Россіей (т. е. въ данномъ случаѣ Великороссіей) или же должны оставаться въ полномъ централистическомъ единеніи, конечно, съ преобладаніемъ великороссійскаго элемента, какъ „государственнаго“. Даже люди великорусской политическо-соціальной оппозиціи стали на такой мысли: въ Польшѣ есть движеніе къ отдѣленію отъ Россіи,—слѣдовательно пусть поляки и отдѣлятся даже со всѣмъ тѣмъ, что они считаютъ за Польшу и что мы не привыкли считать за Россію;—въ другихъ земляхъ,—въ Литвѣ, Бѣлоруссіи, Украинѣ и пр. никто не заявляетъ желанія образовывать отдѣльныя государства,—слѣдовательно нечего и говорить объ ихъ индивидуальностяхъ и автономіи. Мы помнимъ, какое неудовольствіе произвело въ 1863 г., въ великороссійскихъ оппозиціонныхъ кругахъ провозглашеніе Костомаровымъ (правда, въ нѣсколько странной формѣ, соотвѣтственной библейскимъ вкусамъ старыхъ украинофиловъ) „анаеме тому, кто задумаетъ отдѣленіе Украины отъ Россіи“. Великороссійская оппозиція, которая тогда безразлично сочувствовала польскому возстанію, видя въ немъ прежде всего врага своему надобившему противнику,—правительству,—словно, обманулась въ ожиданіяхъ отъ украинскаго движенія,—и съ тѣхъ поръ къ числу противниковъ его изъ катковскаго лагеря прибавились противники изъ лагеря радикальнаго, въ которомъ польскій сепаратизмъ, со всѣми его аристократическими примѣсями, сталъ пользоваться большимъ сочувствіемъ, чѣмъ украинскій федерализмъ, при всемъ его демократизмѣ, сознательномъ и инстинктивномъ. И до сихъ поръ можно встрѣтить въ великорусскихъ радикальныхъ, даже социалистическихъ, сферахъ такое отношеніе къ негосударственнымъ народамъ, поставленнымъ между Польшей и Великороссіей: „а! вы не хотите или не можете составить особыхъ государствъ,—такъ становитесь или поляками, или русскими (великоруссами) или мы сами подѣлимся вами пополамъ съ поляками“!

* * *

Въ основѣ такого отрицательнаго отношенія къ автономнымъ стремленіямъ „негосударственныхъ“ народовъ лежатъ, во первыхъ, якобинскій централизмъ, черезъ который неизбѣжно должны были

пройти русскіе оппозиціонныя круги, которые все таки выросли подъ впечатлѣніемъ исторіи, начавшейся съ московскихъ Ивановъ и продолжавшейся петербургскими Императорами*),—а во вторыхъ, и главнымъ образомъ, незнаніе истиннаго положенія въ областяхъ невеликорусскихъ, въ томъ числѣ и въ Польшѣ. Какъ характерный примѣръ такого незнанія мы должны указать на статью Н. Г. Чернышевскаго въ „Современникѣ“, 1861 г., Іюль,—„Національная безтактность“. Статья эта, написанная, какъ рецензія на 1—2 №№ газеты „Слово“, которая съ возстановленіемъ въ Австріи конституціоннаго правленія, стала выходить въ Львовѣ, посвящена была специально вопросу объ отношеніяхъ между польскими и русскими политиками въ одной только, и при томъ австрійской, части исторической Польши,—въ Галиціи. Но она была понята въ болѣе широкомъ смыслѣ, да, очевидно, въ значительной степени и писана была съ тѣмъ, чтобъ быть понятой въ такомъ смыслѣ. „Современникъ“ былъ обзоръ практическое и не печаталъ статей „о сухихъ туманахъ“, съ которыми тогда сравнивали въ Россіи всѣ вопросы, не имѣвшіе непосредственнаго отношенія къ текущимъ внутреннимъ вопросамъ.

Рѣчь о статьѣ Чернышевскаго мы начнемъ съ выписки нѣсколькихъ строкъ изъ начала ея, которая намъ пригодится далѣе, когда мы будемъ говорить о мнѣніяхъ людей, признающихъ себя учениками его. „Галицкіе малороссы, говоритъ Чернышевскій,—или, какъ они себя называютъ, русины, отличаются всѣми свойствами, общими цѣлому малорусскому племени. А если есть племена, могущія къ себѣ привлекать симпатію больше, чѣмъ другія племена, то именно малороссы,—одно изъ племенъ наиболѣе симпатичныхъ. Очаровательное соединеніе наивности и тонкости ума, мягкость нравовъ въ семейной жизни, поэтическая задумчивость характера, непреклонно настойчиваго, красота, изящество вкуса, поэтическіе обычаи,—все соединяется въ этомъ народѣ, чтобы очаровывать васъ, такъ что иноплеменникъ становится малорусскимъ патріотомъ, если хоть сколько нибудь поживетъ въ Малороссіи. (Самъ Чернышевскій жилъ, если не въ Малороссіи, то подлѣ малорусскихъ колоній надъ Волгой. Напротивъ Саратова, родины Чернышевскаго и еще двухъ извѣстныхъ писателей-славистовъ,—расположена огромная слобода Покровская, сплошь населенная украинцами,—„черкасами“). Нельзя не сочувствовать имъ“. Само собою разумѣется, Чернышевскій признаетъ полную самостоятельность украинскаго языка, желаетъ полнаго его развитія и даже

*) Мы предполагаемъ извѣстнымъ нашимъ читателямъ обстоятельство, разъясненное многими писателями французскими послѣ Токии (L'ancien régime et la révolution), что, въ политико-административномъ отношеніи, якобинцы явились только завершителями дѣла Ришелье и Людовика XIV и въ свою очередь отцами Наполеоновщины. Считаемо не безполезнымъ напомнить тутъ прекрасныя слова Герцена: „Централизація, жертвующая самобытностью частей, стремящаяся къ полицейскому однообразному фрунту, убивающая все индивидуальное, характерное, мѣстное, всегда будетъ качаться между Николаемъ и Вонапартонъ“. (Колоколъ, 15 Янв. 1859. 275).

политическаго объединенія „русиновъ“ Австріи съ „малороссами“ Россіи. (См. кромѣ разобранной статьи еще и другую „Народная безтолковость“, въ „Современники“ 1861 г., Октябрь, посвященную разбору великорусско-централистическихъ стремленій московскихъ лжеславянофиловъ „Дня“).

Послѣ такого, весьма рѣдкаго даже и въ тѣ времена русской реакціи противъ официальной народности, — предисловія, публицистъ „Современника“ переходитъ къ своей спеціальной задачѣ: къ разбору поведенія галицко-русскихъ политиковъ. Онъ не видитъ въ немъ ничего, кромѣ „національной безтактности“, — главнымъ образомъ потому, что они составляютъ оппозицію польскимъ политикамъ, между тѣмъ, какъ эти послѣдніе, по мнѣнію автора, естественные союзники и даже надежные покровители „галицкихъ малороссовъ“.

„Львовское „Слово“, говоритъ великорусскій демократъ, совершенно ошибается, воображая въ полякахъ вражду противъ русинской національности... Страниые люди! (русинскіе политики), восклицаетъ онъ..... Изъ за воспоминаній о старинѣ (только!) проникаются они преданностью къ нынѣшнему общему непріятелю („австрійскимъ нѣмцамъ“, какъ говоритъ авторъ выше) ихъ и старинныхъ ихъ непріятелей, не могущихъ быть вредными для нихъ теперь, ищущихъ союза съ ними для общей пользы“, — и дальше приравниваетъ оппозицію галичанъ полякамъ (т. е. собственно польскимъ помѣщикамъ и чиновникамъ) къ совершенно глупой враждѣ, которую бы кто либо вздумалъ проповѣдывать во Франціи къ англичанамъ изъ за того только, что англичане опустошали Францію во времена „разныхъ Эдуардовъ“. „Мы боимся, говоритъ Чернышевскій, что львовское „Слово“ по стариннымъ воспоминаніямъ, смотритъ слишкомъ враждебно на другія силы, которыя теперь искренне готовы содѣйствовать развитію просвѣщенія между русинами. Мы боимся, не отдается ли львовское „Слово“ врагамъ русинскаго племени и не отталкиваетъ ли отъ себя нынѣшнихъ союзниковъ“ Высказавъ совершенно справедливое предположеніе, что надежды „Слова“ на русинское духовенство до добра не доведутъ, — Чернышевскій объясняетъ связь свѣтскихъ русиновъ съ своими клерикалами, — предположеніемъ о политической слабости русиновъ. „Мы не желали бы предполагать такое состояніе у галицкихъ русиновъ. Если львовское „Слово“ хочетъ вручить ходатайство по мірскимъ дѣламъ русинскаго племени православному духовенству за недостаткомъ другихъ защитниковъ русиновъ изъ русиновъ же, то значитъ сами русины еще не въ состояніи понимать своихъ интересовъ, т. е. еще неспособны къ политической борьбѣ. А начинать борьбу, къ которой неспособенъ, значитъ, поступать во вредъ себѣ. Когда отдѣльный человѣкъ неспособенъ понимать и защищать свои интересы, онъ можетъ ожидать пользы для себя только отъ человѣческой справедливости ближнихъ къ нему людей, а не отъ борьбы съ ними, потому что онъ не способенъ вести ее; онъ долженъ пріобрѣтать ихъ дружбу готовностью помогать имъ. Точно таковъ же путь, предписываемый здравымъ смысломъ цѣлому племени, находящемуся въ подобномъ положеніи“. Русины такимъ образомъ, по совѣту Чернышевскаго,

должны начать съ того, чтобы помогать полякамъ,—тѣмъ болѣе, что и поляки, какъ увѣренъ онъ, готовы помогать русинамъ. Хватаясь за замѣчаніе „Слова“, что среди русиновъ по происхожденію есть много ренегатовъ,—перешедшихъ къ полякамъ, Чернышевскій говоритъ: „Вотъ спросили бы вѣрные своей народности русины поляковъ, уважаютъ ли сами поляки отступниковъ отъ русинской національности и одобряютъ ли ихъ?—Вѣроятно, поляки смотрятъ на этихъ русиновъ-отступниковъ точно также, какъ французы смотрѣли на русскихъ, презиравшихъ русскую національность: называютъ ихъ попугаями“.

Чернышевскій подошелъ было очень близко къ сущности дѣла, усмотрѣвъ въ политической борьбѣ, которая происходила въ Галиціи,—соціальную подкладку,—но совершенное незнаніе подробностей дѣла продиктовало совершенно неожиданныя и вполнѣ несоотвѣтствовавшія дѣйствительному положенію дѣлъ заключенія. „Слѣдовало бы „Слову“ повнимательнѣе подумать также, надобно ли считать за споръ между національностями тотъ споръ, въ который оно бросается съ такою готовностью и который оно понимаетъ, какъ споръ національностей? Очень можетъ быть, что при точнѣйшемъ разсмотрѣніи живыхъ отношеній, львовское „Слово“ увидѣло бы въ основаніи дѣла вопросъ, совершенно чуждый племенному вопросу,—вопросъ сословный. Очень можетъ быть, что оно увидѣло бы и на той, и на другой и русиновъ, и поляковъ,—людей разнаго племени, но одинаковаго общественнаго положенія. Мы не полагаемъ, чтобы польскій мужикъ былъ враждебенъ облегченію повинностей и вообще быта русинскихъ крестьянъ. Мы не полагаемъ, чтобы чувства землевладѣльцевъ русинскаго племени по этому дѣлу много отличались отъ чувствъ польскихъ землевладѣльцевъ. Если мы не ошибаемся, корень галиційскаго спора находится въ сословныхъ, а не племенныхъ отношеніяхъ. И если мы не ошибаемся, то сословная партія, которая представляется львовскому „Слову“ враждебной къ русинской національности, не имѣетъ къ этой національности ровно никакой вражды, а по сословному вопросу расположена теперь эта партія къ чрезвычайно большимъ уступкамъ въ пользу поселянъ, какъ польскаго, точно также и русинскаго племени. Вотъ объ этомъ бы не мѣшало подумать львовскому „Слову“. Быть можетъ эти уступки, на которыя искренно готовы люди, кажущіеся ему врагами,—быть можетъ эти уступки такъ велики, что совершенно удовлетворили бы русинскихъ поселянъ; а во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что уступки эти гораздо больше и гораздо вѣрнѣе всего, что могутъ получить русинскіе поселяне отъ австрійцевъ“.

Приступая къ критикѣ изложенныхъ мыслей Чернышевскаго, мы должны оговориться, что мы вовсе не думаемъ защищать политику галицкой партіи, которую въ то время звали „святоюрскою“ (отъ митрополитанскаго собора св. Юрія въ Львовѣ) и изъ которой потомъ вышла партія такъ называемыхъ „москвофиловъ“. Мы сами имѣли случай высказаться весьма отрицательно относительно ихъ дѣятельности, поставляя ей въ укоръ: перевѣсъ эмпирическаго политиканства надъ заботами о проведеніи въ общество реального политическаго образованія, невнимательность къ реальнымъ нуждамъ народа, безусловную

покорность австрійскому правительству, къ которой присоединились потомъ неосновательныя надежды на русское правительство, клерикальную и національную узость, которая помѣшала имъ привлечь на свою сторону сочувствіе и польскихъ крестьянъ въ странѣ (См. „Русскіе въ Галиціи“, Вѣстн. Европы, 1873, №№ 1—2). Но мы должны сказать, что въ статьѣ Чернышевскаго по крайней мѣрѣ не соблюдена мѣра въ накладываніи красокъ: на сторону политиковъ русинскихъ положены все темныя краски, тогда какъ для ихъ польскихъ противниковъ сохранены исключительно свѣтлыя краски и при томъ совершенно произвольныя.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Чернышевскій писалъ свою статью по справкамъ, какія онъ получилъ отъ своихъ польскихъ друзей въ Петербургѣ. Между этими друзьями былъ и Сиг. Сѣраковский, несомнѣнный демократъ, пріятель и Шевченки и, слѣдовательно, человѣкъ лично чуждый стремленій католическихъ и аристократическихъ и даже централистическихъ. Но только врядъ ли онъ достаточно критически относился къ своимъ болѣе его отсталымъ соотечественникамъ даже аристократической партіи, съ которыми такъ или иначе приходилось дѣйствовать вмѣстѣ даже демократамъ польскимъ, — „противъ общаго врага“.

Совершенно понятно, что польскіе дѣятели разныхъ оттѣнковъ мысли должны были постараться привлечь на свою сторону публициста столь талантливаго и вліятельнаго, какъ Чернышевскій, и побудить его подать свой голосъ объ украинно-польскихъ отношеніяхъ. Этотъ голосъ могъ бы быть крайне полезенъ для дѣла, особенно въ то время, такъ какъ Чернышевскій превосходилъ своимъ политическимъ образованіемъ тогдашнихъ украинскихъ дѣятелей не только въ Галиціи, гдѣ они отличались крайнимъ клерикализмомъ, но и въ Россіи, гдѣ даже лучшіе и заслуженные украинскіе писатели „Основы“ (1861—1862) принадлежали, по своему воспитанію, гораздо болѣе къ національно-романтической, нежели къ интернаціонально-положительной школѣ. Самъ Чернышевскій въ разбираемой статьѣ сдѣлалъ одно чрезвычайно вѣрное замѣчаніе, а именно о „наивности заблужденія, что одного патріотическаго чувства, безъ *политическаго образованія* и такта достаточно для того, чтобы стать полезными для народа предводителями“. — „Нѣтъ, этого мало, говоритъ публицистъ „Современника“, — какъ мало любви къ человѣку, чтобы лечить его. И любишь, да погубишь его своимъ лекарствомъ, если не знаешь медицины“.

Слова эти слѣдовало бы на стѣнкѣ зарубить едва ли не всѣмъ политико-соціальнымъ партіямъ польскимъ, русскимъ и украинскимъ, не только прежнимъ, но и нынѣшнимъ. Но мы должны обратиться къ разбору рецептовъ великорусскаго доктора, прописанныхъ имъ, въ лицѣ Галиціи, для всей огромной полосы Литвы, Бѣлороссіи и Украйны.

Увы! оказывается, что эти рецепты были прописаны, можетъ быть, и съ знаніемъ общей медицины, но безъ собственнаго діагноза состоянія того индивидуума, которому они прописывались. Здѣсь мы наталкиваемся на одну, по нашему мнѣнію, характерную особенность великорусскаго общества, — о которой мы предпочитаемъ сказать съ

подною откровенностью, хотя бы и подъ опасеніемъ ошибиться, нежели умолчать о ней или сказать недостаточно ясно.

У великорусскихъ публицистовъ вообще замѣтна какая то неохота, чуть не неспособность, къ всестороннему анализу положенія западно-славянскихъ земель. Неохота эта замѣтна одинаково, какъ у такъ называемыхъ московскихъ славянофиловъ,—которые до того субъективно, исключительно съ своей, старо-московской, православно-великорусской точки зрѣнія смотрятъ на славянство, что собственно не должны бы быть и называемы иначе, какъ москвофилами, а вовсе не славянофилами,—такъ и у такъ называемыхъ западниковъ, которые то относятся къ западному славянству совсѣмъ отрицательно, то повторяютъ о немъ взгляды, встрѣченные въ первой западноевропейской, или же, въ горячія минуты,—въ москвофильской же книжкѣ. (Какъ это ни странно!) Черта эта, по нашему мнѣнію, объясняется вполне исторією образованія великороссійскаго общества.

Извѣстно, какъ изображаютъ всѣ иностранные путешественники XVI—XVII ст., не только западноевропейцы, но и сиріецъ Павелъ Алеппскій, узкую субъективность отношеній московскихъ людей къ иностранцамъ. Этотъ субъективизмъ и національно-религіозная исключительность вполне объясняются той изолированностію отъ образованнаго міра, въ какой столь долго жила Русь Московская и какой не знала, до присоединенія къ ней, Русь западная и южная. Со временъ Петра Великаго извѣстная часть великорусскаго общества вышла изъ этой изолированности. Но старая московская исключительность и субъективность продолжаетъ жить въ цѣлыхъ направленіяхъ этого общества *) Тѣ же, которые отошли отъ узкаго національнаго субъективизма, по большей части тоже не доходятъ до вполне объективнаго космополитизма, т. е. до самостоятельно-критическаго отношенія къ интересамъ всѣхъ народовъ и до способности войти въ положеніе самаго мелкаго народа (каковою способностію въ высшей степени отличаются люди изъ англійскаго общества), а почти всегда усваиваютъ какое нибудь изъ воззрѣній, господствующихъ среди одного изъ западноевропейскихъ національныхъ обществъ, чаще всего, конечно, общества одной изъ большихъ, *государственныхъ* національностей. Невеликорусскіе же славяне, исключая поляковъ, давно уже поставлены въ положеніе народовъ негосударственныхъ. Вотъ въ ихъ то кожу никакъ не можетъ поставить себя огромное большинство великорусскаго общества, поставить такъ, какъ напр. иной англичанинъ умѣетъ войти въ положеніе даже какихъ нибудь зулусовъ, (истребляемыхъ его же соотечественниками). Вотъ почему русскимъ

*) Прекрасную критику этой исключительности въ отношеніяхъ московскихъ славянофиловъ къ западнымъ славянамъ см. въ статьяхъ Чернышевскаго „Народная безтолковость“ (Современникъ, 1861 г. октябрь) и „Самозванные старѣйшины“, (тамъ же, 1862 г. мартъ). Въ послѣдней онъ разбираетъ коллективное посланіе москвичей къ сербамъ, въ которомъ всѣ неправославные народы (въ томъ числѣ и хорваты) названы „врагами человѣчества“.

и приходится почерпать свои свѣдѣнія даже о черногорцахъ и болгаряхъ, о которыхъ по видимому такъ хлопочетъ русское правительство и извѣстная часть общества, изъ литературы англичанъ, правительство которыхъ столь долго являлось политическимъ врагомъ этихъ народовъ. И вотъ почему русскіе, когда говорятъ о западныхъ славянахъ, то, если не говорятъ о нихъ съ московской точки зрѣнія, такъ разсуждаютъ о чехахъ, какъ иѣмцы, о хорватахъ, какъ венгры, о болгаряхъ, какъ греки и даже какъ турки, объ украинцахъ, какъ поляки и т. д. Если бы мы не боялись удлинить статью, мы бы могли привести въ подтвержденіе десятки примѣровъ изъ великорусской литературы, начиная отъ Бѣлинскаго и оканчивая публицистикою временъ послѣдней (русско-турецкой) войны *). Едва ли не единственное исключеніе, по своей тонкой внимательности къ положенію cadaго славянскаго племени, представляетъ въ великорусской литературѣ „Исторія слав. литературъ“ г. Пышина, но за то же ее такъ и не любятъ московскіе лжеславянофилы и потому же она, не смотря на то, что уже вышла вторымъ изданіемъ, въ сущности оказала столь малое вліяніе на общественное мнѣніе и даже на братію, пишущую политическія статьи о славянахъ.

Этотъ субъективизмъ,—домашній, или заимствованный,—въ отношеніяхъ представителей самаго многочисленнаго изъ славянскихъ племенъ къ его сосѣдямъ и единоплеменникамъ изъ негосударственныхъ племенъ всего лучше говоритъ въ пользу необходимости образованія въ каждомъ изъ послѣднихъ партій моральной и политической автономіи. Только такія партіи, при всей своей слабости и неизбѣжной, въ началѣ, политической и культурной отсталости сравнительно съ великоруссами,—которыхъ энергія не раздваивается борьбою за національность и независимость,—въ состояніи хотъ со временемъ представить вѣрно интересы негосударственныхъ племенъ, и оказать свое вліяніе и на представителей племенъ государственныхъ. Только изъ совокупности усилій этихъ партій и взаимнаго вліянія націй государственныхъ и негосударственныхъ и можетъ выйти здоровая солидаризація дѣйствій всѣхъ племенъ восточной Европы, такъ необходимая для великихъ и малыхъ племенъ. До сихъ же поръ, видя отношеніе къ положенію негосударственныхъ племенъ даже такихъ людей, какъ Бѣлинскій и Чернышевскій, приходится по меньшей мѣрѣ сказать,—что если сытый голоднаго не понимаетъ,—то ему лучше бы всего и не говорить вовсе о дѣлахъ голоднаго человѣка.

Обсуждая украинско-польскія отношенія, Чернышевскій не только не понялъ голоднаго, но даже изложилъ его положеніе, главнымъ образомъ на основаніи показаній того, кто у него отнимаетъ хлѣбъ. Чернышевскій не далъ себя труда не только изучить положеніе хлѣба въ Галиціи, но и изложилъ его или совершенно произвольно, или съ голоса польскихъ историческихъ патріотовъ. Такъ напримѣръ совер-

*) Отношенія Бѣлинскаго къ украинцамъ, сербамъ и болгарамъ мы разобрали въ предисловіи къ изданному нами „Письму В. Гр. Бѣлинскаго къ Н. В. Гоголю“ 1880.

ніенно фантастичнымъ является у него предположеніе, что въ Галиціи русины-землевладѣльцы (помѣщики) одинаково относятся къ русинамъ-крестьянамъ, какъ и землевладѣльцы-поляки. Никакихъ русиновъ-помѣщиковъ не существуетъ въ Галиціи, какъ и по всей Украинѣ на правомъ берегу Днѣпра,—и слѣдовательно всѣ выводы, какіе строятъ дальше великорусскій демократъ на своемъ предположеніи, не имѣютъ ровно никакого значенія. Положеніе же, что будто „сословная партія польская въ Галиціи не имѣетъ къ русинской національности ровно никакой вражды, а по сословному вопросу эта партія теперь (1861) расположена къ чрезвычайно большимъ уступкамъ въ пользу поселянъ, какъ польскаго, такъ и русинскаго племени“,—взято на вѣру у польскихъ оптимистовъ и тоже совершенно противно тому, что было и есть въ дѣйствительности. Предположеніе, же, что будто какіе нибудь землевладѣльцы in concreto могутъ быть расположены къ чрезвычайно большимъ уступкамъ въ пользу поселянъ, даже и а priori должны бы было показаться невѣрнымъ такому хорошему экономисту, какъ Чернышевскій. Онъ первый бы передалъ въ редакцію „Свистка“ подобное положеніе, если бы оно доставлено было ему напр. изъ Владимірской губерніи,—а польскимъ оптимистамъ онъ повѣрилъ!

Казалось бы, и въ 1861 г. было бы излишнимъ говорить великоруссамъ, что въ Галиціи (Восточной), какъ и во всей Украинѣ до Днѣпра,—никакого польскаго народа нѣтъ, а есть только помѣщики,—и что на оборотъ эти помѣщики тамъ почти всѣ поляки. А между тѣмъ ежедневный опытъ показываетъ, что это нужно повторять и до сихъ поръ. А такъ какъ поляки въ этомъ краѣ и теперь составляютъ сословіе, по теперешнему ходу вещей господствующее, то, конечно, борьба съ ними представителей націи мужицкой является вовсе не борьбою изъ за воспоминаній о старинѣ. Антагонизмъ русиновъ и поляковъ въ Украинѣ это не то, что антагонизмъ французовъ и англичанъ, русскихъ и татаръ,—а подобенъ борьбѣ сербовъ и турокъ напр. въ Босніи, съ тою только разницею, что польская аристократія,—а въ Галиціи и польская бюрократія,—уже въ силу своей цивилизаціи, высшей, чѣмъ турецкая, присоединяетъ къ своекорыстію сословному еще и стремленія къ денационализированію подчиненнаго ему мужицкаго племени. Отрицать борьбу польскаго аристократо-бюрократическаго элемента противъ украинской національности въ Галиціи такъ же странно, какъ отрицать стремленія Пруссіи германизировать поляковъ въ Познани: манія официальныхъ народностей проявляла себя довольно сильно по всей Европѣ и въ 1861 г., какъ и теперь. И эта манія должна была явиться тѣмъ сильнѣе напр. въ Галиціи, гдѣ навязываемая народность имѣетъ себѣ поддержку въ экономическихъ привилегіяхъ. Помѣщикъ и представитель официальнаго полонизма въ Галиціи слились до того,—что одинъ не только нераздѣленъ отъ другаго, но стремленіе послѣдняго усиливаетъ эгоизмъ перваго,—такъ какъ очевидно, что если русинскіе крестьяне получаютъ экономическое обезпеченіе, то у нихъ усилится и сознаніе своей національной самостоятельности,—и на оборотъ если среди нихъ разовьется образованіе о сознаніе своей національности, то они тѣмъ

болѣе захотятъ свергнуть съ себя и экономическое иго польскихъ помѣщиковъ. Въ томъ и другомъ случаѣ неизбеженъ *раздѣлъ* этого послѣдняго куска исторической Польши въ видѣ австрійской провинціи! Вотъ почему польскія партіи восточной Галиціи, не исключая и демократовъ являются такими ожесточенными противниками и социально-экономическихъ, и національных (политическихъ и культурныхъ) стремленій русиновъ.

Все сказанное подтверждается цѣлою исторіей аграрно-національных отношеній Галиціи съ самаго 1831 г.,—если уже не заходить дальше. Въ 1848 г. польскіе помѣщики и даже выборные отъ городовъ, вмѣсто уступокъ поселянамъ, требовали въ вѣнскомъ парламентѣ выкупа барщины;—въ пятидесятые и шестидесятые годы,—какъ разъ тогда, когда писалъ свою статью Чернышевскій,—они настаивали и настояли на крайне невыгодномъ для крестьянъ рѣшеніи вопроса о сервитутахъ (пользованіи лѣсами и выпасами), на сохраненіи за помѣщиками, противной даже буржуазной экономіи, привилегіи содержанія шинковъ (пропинація) и т. д. Что до національнаго вопроса,—то въ 1848 г. польскія партіи самымъ ожесточеннымъ образомъ сопротивлялись признанію русиновъ самостоятельной націею и передъ австрійскимъ правительствомъ, и передъ славянскимъ съѣздомъ въ Прагѣ, и передъ имперскимъ парламентомъ въ Вѣнѣ. Въ 60-ые годы, почти въ одно время съ статьею Чернышевскаго, появились даже въ польскихъ изданіяхъ въ Россіи статьи, также отрицающія самое существованіе украинской народности съ польской точки зрѣнія, какъ стали потомъ отрицать ее Катковы и Аксаковы съ московской точки (См. напр. статью Жоховскаго въ „Biblioteka Warszawska, 1861, № 12, корреспонденціи изъ Львова въ Gazeta Warszawska, 1861, № 304—310; въ Галиціи около этого времени вышла брошюра извѣстнаго польскаго историка, Генр. Шмидта: *Kilka słów o kwestyi rusińskiej*,—статья въ „Rada Familijna“, статья въ Czas и, во Франціи, въ „Revue Contemporaine“, на которыя отвѣчалъ Костомаровъ въ Основѣ 1861 и т. д.).

Всю эту литературу польскаго сочиненія, радикально отрицающую самое существованіе русиновъ, какъ отдѣльнаго отъ поляковъ народа, очень не трудно было знать и петербургскимъ политикамъ, равно какъ и характеръ аграрной политики тогдашнихъ польскихъ партій въ Австріи. Не трудно было провѣрить и то, на сколько было правды въ увѣреніяхъ, которыя по временамъ исходили изъ этихъ партій, что крестьяне и русины въ Галиціи, если имѣютъ на кого жаловаться, то вовсе не на польскихъ полнтяковъ, у которыхъ будто бы руки связаны, а на Вѣну,—увѣренія, какія проникли и въ статью Чернышевскаго. Во первыхъ, вовсе не думая идеализировать вѣнскую королевско-цесарскую бюрократію, мы должны признаться, что, если крестьяне, и въ частности русины, въ Галиціи въ теченіи XIX в. видѣли хоть тѣнь добра съ верху,—то все таки они видѣли ее голько отъ австрійской бюрократіи (рядомъ, конечно, съ такими благами, какъ рекрутчина), а не отъ польской аристократіи.—что понятно уже и аргіогі, такъ какъ вездѣ на свѣтѣ цезаризмъ скорѣе можетъ задумать

что либо, хоть небольшое, полезное для массъ, чѣмъ аристократія. А во вторыхъ, польская аристократія всегда имѣла довольно силы, чтобы сдѣлать добро для крестьянъ и русиновъ, если бы того захотѣла,— всегда имѣла больше доступу и въ Вѣну, нежели мужичье мазурское и русинское*). Со смерти Іосифа II до самаго 1848 г. никто, какъ польская аристократія правила Галиціей руками намѣстниковъ, присылаемыхъ изъ Вѣны,—и за тѣмъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ нѣмецкой диктатуры, таже аристократія вмѣстѣ съ буржуазіей постепенно, въ лицѣ гр. Голуховскаго,—забрала въ свои руки бюрократію, а потомъ и сеймъ въ странѣ. При этомъ польская партія, укоряя русинскихъ политиковъ за сервильизмъ передъ Вѣной (и укоряя по нашему, совершенно справедливо) сами вовсе не гнушались напускать ту же Вѣну на русиновъ, постоянно пугая австрійское правительство русинскимъ сепаратизмомъ, то москвофильскимъ, то украинно-казацкофильскимъ, съ прибавкою гайдамачины.

Публицистъ „Современника“ совершенно не понялъ двухъ очень характерныхъ черточекъ галицкой жизни, которыя ему попались въ львовскомъ „Словѣ“ и совершенно напрасно потратилъ, по поводу ихъ, свою иронію надъ русинскою газетою. Первая изъ этихъ черточекъ: объясненіе „Слова“ съ польскими газетами по поводу того, что оно печатается „россійскими“ буквами (т. наз. „гражданка“ или шрифтъ Петра Великаго), которыя „Слово“ старается оправдать тѣмъ, что онѣ сначала употреблялись малороссами, отъ которыхъ заимствовалъ ихъ Петръ Великій. Дѣло въ томъ, что въ крайнемъ желаніи помѣшать развитію русиновъ, польскіе патріоты въ Галиціи настаиваютъ на томъ, что, если уже должно существовать у русиновъ свое письмо, отдѣльное отъ польскаго,—(что уже признано австрійскимъ закономъ) то оно должно оставаться старое, церковное; употребленіе же „гражданки“ есть-молъ признакъ сепаратизма къ Россіи! И въ на-

*) На сколько въ Россіи и до сихъ поръ плохо освѣдомлены съ востроеніемъ галицко-польскаго общества, можно видѣть напр. по слѣдующему отрывку изъ статьи г. Спасовича „Новѣйшая исторія Австріи“: „Депутаты-поляки изъ Галиціи были озлоблены на гр. Стадіона (быв. намѣстника въ Галиціи) смертельно не за отрицаніе барщины (барщина и крѣпостное право была въ принципѣ давно у нихъ вопросами рѣшенными), но за то, что облагодѣтельствовалъ крестьянъ на счетъ помѣщиковъ (!) отъ имени правительства, Стадіонъ усиллъ абсолютизмъ и лишилъ польское движеніе возможности подарить землю и свободу крестьянамъ и привлечь ихъ такимъ образомъ на сторону польскаго движенія“. (Вѣст. Евр. 1873, май 137—138). Но, во первыхъ, самъ же г. Спасовичъ въ началѣ своего труда (Вѣст. Евр. 1866, II, 320—321), рассказывая о вѣнскомъ парламентѣ 1848 г., говоритъ: „польскіе помѣщики, не смотря на связи свои съ лѣвою нѣмецкою стороною и на то, что они старались всячески представить, будто надѣлъ крестьянъ землею совершился по ихъ доброй волѣ, и правительство только присвоило себѣ плоды того, что они сами порѣшили, требовали однако возможно большаго и непомернаго возвышенія оцѣнки крестьянскихъ участковъ“. А во вторыхъ, у польскихъ помѣщиковъ всегда было столько земли, что они во всякое время могли подарить ее крестьянамъ. И теперь еще не поздно!

стоящую минуту, когда мы пишемъ эти строки, *) въ галицкій сеймъ внесенъ запросъ русинскихъ депутатовъ по поводу того, что польскіе чиновники требуютъ отъ русиновъ писанія бумагъ церковными каракулями, вм. болѣе курсивной „гражданки“, которую польскіе чиновники признаютъ письмомъ „московскимъ“ и слѣдовательно незаконнымъ. Въ то время, когда писалась статья Чернышевскаго, „гражданка“ только что начала входить въ употребленіе въ Галиціи, и Въна была завалена доносами на эту „гражданку“. Мы сами вовсе не любители этой „гражданки“ и рады были бы, если бъ и въ самой Москвѣ писали латинскими буквами (только, конечно, не польскою ихъ формою, запутанною и нелогичною), но тѣмъ болѣе мы противъ осужденія галичанъ на писаніе церковными каракулями и еще болѣе противъ пропаганды латинскаго шрифта посредствомъ доносовъ австрійскому правительству. А такой смыслъ доносовъ имѣютъ всегда жалобы польскихъ газетъ, что русины пишутъ „московской гражданской“.

Подобное же значеніе имѣла въ „Словѣ“ и ироническая благодарность полякамъ, которые „готовы сочувствовать развитію русинской литературы“. Чернышевскій понялъ эти слова въ буквальномъ смыслѣ и прочелъ нотацію львовской газетѣ. Между тѣмъ достаточно было знать хоть напр. статьи варшавскихъ и вилейскихъ изданій о Шевченкѣ, котораго такъ уважалъ Чернышевскій, чтобъ видѣть, каково было сочувствіе большинства польской печати къ самостоятельной литературѣ у русиновъ. Всякое стремленіе русиновъ создать литературу, которая бы не была только провинціальною разновидностью польской (какъ это было у Падуры и его послѣдователей) встрѣчалось польской печатью столь же враждебно, какъ стали потомъ встрѣчать его враждебно московскіе централисты. Послѣ 1848 года въ Галиціи русинская литература признана была официально, и послѣ того въ тамошнемъ польскомъ обществѣ постепенно установилось къ ней двойственное отношеніе: рядомъ съ отрицаніемъ—претензія регулировать эту литературу, конечно, если можно, то и съ помощью бюрократіи. Та галицкая русинская литература, какая захвачена была событіями 1848 г., примыкала по языку и духу къ южнорусской полуцерковной литературѣ XVI—XVII в. (XVIII вѣкъ для Галичины, послѣ отдѣленія ея отъ казацкой Украйны, пропалъ еще болѣе даромъ, чѣмъ пропалъ онъ для Подніпровья). По ней лишь слегка прошли вліянія великорусской высокопарной литературы до-карамзинскаго періода и отголоски начинавшейся новой украинской литературы, сначала сентиментальной и романтической, но всегда демократической **). Въ періодъ торжества бюрократіи въ Австріи и особой ярости реакціи въ Россіи въ Галицію проникало изъ Россіи только московское, погодинское вліяніе, и тамъ зародилась школа, которую и представляетъ „Слово“. Впрочемъ школа эта, хоть и ложною дорогою,

*) Въ 1882 году. Издатель.

**) Подробности въ подтвержденіе того, что мы здѣсь говоримъ, читатель можетъ найти въ вышеупомянутой статьѣ нашей „Русскіе въ Галиціи“ и въ ея продолженіи „Литерат. движеніе въ Галиціи“. Вѣстн. Евр. 1873. IX. X.

но все же отчасти шла къ выходу изъ узкихъ рамокъ австро-уніатскаго легитимизма и клерикализма. Не имѣя уже силы подавить совсѣмъ русинское движеніе, польскіе его противники стали стараться, чтобъ оно сохранило по крайней мѣрѣ старое, разъ уже признанное, узкое направленіе — и упрекали новое, во всякомъ случаѣ болѣе сѣѣтское и болѣе независимое москвофильское направленіе въ политической измѣнѣ Австріи и въ то же время въ измѣнѣ настоящимъ интересамъ русинской національности, которые теперь, конечно, лицемерію, бралась защищать польская печать. По смерти Николая I стало вновь организовываться въ Россіи народно-украинское направленіе. Польская печать въ Россіи встрѣтила его враждебно, — но въ то же время въ галицкой польской печати стали изрѣдка раздаваться голоса, которые, порицая русинскихъ патріотовъ за ихъ церковно-московское направленіе и языкъ, ставили имъ въ примѣръ украинскихъ писателей, пишущихъ чистымъ народнымъ языкомъ. Но чуть только украинская литература породила и въ Галиціи (1862—1863 г.) замѣтное демократическое движеніе, какъ сейчасъ же польская печать закричала о казакоманіи и новомъ „гайдамацкомъ, во все таки московскомъ панславизмѣ“, какъ объ опасности и для польской идеи, и для Австріи *). Когда между 1863 и 1867 г. въ Галичинѣ обнаружился существенный расколъ между клерикально-московскими и народно украинско-фильскими группами, и когда русское правительство, вслѣдъ за голосами московскихъ централистовъ, наложило руку на украинскую литературу и школу (въ первый разъ въ 1863 г.), — то польская печать, опять таки лицемерію, приняла галицкихъ украинофиловъ подъ свое покровительство и зная, что они еще слабы на парламентскомъ полѣ, стала противуставлять ихъ старой русинской партіи, какъ „настоящихъ русиновъ“, съ которыми будто бы поляки могутъ договариваться, — не то что съ москвофилами, измѣнниками своему народу и слугами деспотизма, которые хотятъ привести „Москву и схизму въ послѣднее убѣжище Польши“. Но эти фразы не вели за собою никакихъ практическихъ уступокъ и „настоящимъ русинамъ“, — а едва только и эти послѣдніе начали становиться силою, съ которою нужно было считаться, — такъ и на нихъ посыпались тѣ же обвиненія, которыя сыпались прежде на москвофиловъ. А между тѣмъ, если дѣйствительно галицкіе поляки примирились съ признаніемъ русиновъ, какъ отдѣльной культурной и политической націи, то казалось бы, что можетъ быть проще, какъ предоставить самимъ русинамъ разбираться, кто изъ нихъ настоящій, а кто ненастоящій русинъ, и отказаться отъ всякихъ претензій регулировать русинскую литературу, да еще административными мѣрами и политическими доносами?! Вотъ объ этой претензіи на протекто-

*) Какъ характерно это единство пріемовъ польскихъ и московскихъ централистовъ, въ Австріи и Россіи: что для однихъ „московскіе рубли“, то для другихъ „польская интрига“, въ число „агентовъ“ которой произвелъ „честный“ г. Н. Аксаковъ (Русь, 1 авг. 1881 г.) и пишущаго эти строки!!

ратъ говорило и „Слово“, когда оно иронически отнеслось къ заботамъ польскихъ газетъ о русинской литературѣ,—а публицистъ „Современника“, по незнанію мѣстныхъ условій, укорилъ русинскую газету въ неблагодарности!

Похожее на то, что происходило въ 1848—1849 и въ 1860—1861 гг. въ Галиціи, настало въ 1860—1863 гг. въ придиѣпровской Украинѣ, когда здѣсь поднялся крестьянскій вопросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ столкнулись стремленія польскія и украинскія. Здравый политическій расчетъ, дѣйствительно, долженъ бы былъ побудить поляковъ относиться благопріятно къ украинскому движенію и въ то же время сдѣлать серьезныя уступки крестьянамъ. Но о первомъ почти никто изъ поляковъ, даже въ чисто польскихъ земляхъ не думалъ,—а о второмъ, хотя и говорили немногочисленные искренніе демократы,—но ихъ совѣты оставались безъ приложенія. Сословные расчеты и инстинкты національнаго господства превозмогли въ польскихъ панахъ правобочной Украины, какъ и вездѣ,—соображенія здравомысленнаго патріотизма и либерализма.—А ненависть къ нарождающейся новой нравственной силѣ, представляемой украинскими кружками, за которыми непременно должны были послѣдовать кружки литовскіе и бѣлорусскіе, кружками, которымъ польскіе паны дали имя „хлопоманіи“ (изъ чего послѣ въ Россіи сдѣлали слово „хохломанія“) и страхъ передъ крестьянами, которые раньше или позже должны были провѣдать о стремленіяхъ образованныхъ хлопомановъ, заставили польскихъ пановъ и тутъ, какъ и въ Австріи, попробовать направить противъ своихъ конкурентовъ готовую силу,—правительство!

Положеніе украинскихъ хлопомановъ непосредственно передъ возстаніемъ 1863 г. всего лучше характеризуется статьею г. Вд. Антоновича въ „Основѣ“ 1862 г., № 1 „Моя исповѣдь“, изъ которой мы считаемъ умѣстнымъ привести слѣдующую выдержку, такъ какъ она, по нашему мнѣнію, сохранила въ значительной степени свою современность и въ настоящую минуту:

„Въ заключеніе вашей статьи, г. Падалица, вамъ угодно было обратиться къ моей личности съ эпитетомъ „перевертень“ *).—Я вамъ за это искренно благодаренъ—не потому, чтобы я полагалъ, что моя личность особенно интересна для васъ или для кого нибудь изъ читающихъ, и не потому, чтобы я самъ слишкомъ о ней заботился, а потому, что разъясненіе сказаннаго вами эпитета хоть сколько нибудь поможетъ цѣлой группѣ людей опредѣлить себѣ свое положеніе въ южно-русскомъ краѣ. Да—г. Падалица, вы правы! Я дѣйствительно „перевертень“,—но вы не взяли во вниманіе одного обстоятельства, именно того, что слово „отступникъ“ не имѣетъ само по себѣ смысла; что для составленія себѣ понятія о лицѣ, къ которому приложенъ

*) Статья г. Антоновича есть отвѣтъ на одну изъ статей довольно вліятельнаго въ тогдашнемъ польскомъ обществѣ писателя, Падалицы, который выступилъ было съ полемикой и противъ Костомарова, по поводу его трудовъ о казачествѣ. Костомаровъ отвѣчалъ ему въ „Современникѣ“.

этотъ эпитетъ, нужно знать, отъ какого именно дѣла человѣкъ отступился и къ какому именно присталъ; иначе слово это лишено смысла—это пустой звукъ. Дѣйствительно, вы правы. По волѣ судьбы, я родился на Украинѣ шляхтичемъ; въ дѣтствѣ имѣлъ всѣ привычки панничей, и долго раздѣлялъ всѣ сословныя и національныя предубѣжденія людей, въ кругу которыхъ воспитывался; но когда пришло для меня время самосознанія, я хладнокровно оцѣнилъ свое положеніе въ краѣ, я взвѣсилъ его недостатки, всѣ стремленія общества, среди котораго судьба меня поставила, и увидѣлъ, что его положеніе нравственно безвыходно, если оно не откажется отъ своего исключительнаго взгляда, отъ своихъ заносчивыхъ посягательствъ на край и его народность; я увидѣлъ что Поляки-шляхтичи, живущіе въ южно-русскомъ краѣ, имѣютъ передъ судомъ собственной совѣсти только двѣ исходныя точки: или полюбить народъ, среди котораго они живутъ, проникнуться его интересами, возвратиться къ народности когда-то покинутой ихъ предками и неусыпнымъ трудомъ и любовью, по шѣрѣ силъ, вознаградить все зло, причиненное ими народу, вскормившему многія поколѣнія вельможныхъ колонистовъ, которому эти послѣдніе за потъ и кровь платили презрѣніемъ... или же, если для этого не хватитъ нравственной силы, переселиться въ землю польскую, заселенную польскимъ народомъ, для того чтобы не прибавлять собою еще одной тунеядной личности, для того чтобы наконецъ избавиться самому передъ собою отъ грустнаго упрека въ томъ, что и я тоже колонистъ, тоже плантаторъ, что и я посредственно или непосредственно (что впрочемъ все равно) питаюсь чужими трудами, заслоняю дорогу къ развитію народа, въ хату котораго я залѣзъ непрошенный, съ чуждыми ему стремленіями, что и я принадлежу къ лагерю, стремящемуся подавить народное развитіе туземцевъ и что невинно раздѣляю отвѣтственность за ихъ дѣйствія. Конечно, я рѣшился на первое, потому что сколько ни былъ испорченъ шляхетскимъ воспитаніемъ, привычками и мечтами, мнѣ легче было съ ними растаться, чѣмъ съ народомъ, среди котораго я выросъ, который я зналъ, котораго горестную судьбу я видѣлъ въ каждомъ селѣ, гдѣ только владѣлъ имъ шляхтичъ,—изъ устъ котораго я слышалъ не одну печальную, раздирающую сердце пѣсню, не одно честное дружественное слово (хоть я былъ и *панничъ*), не одну трагическую повѣсть о истлѣвшей въ скорби и безплодномъ трудѣ жизни... который, словомъ, я любилъ больше своихъ шляхетскихъ привычекъ и своихъ мечтаній. Вамъ хорошо извѣстно, г. Падалица, и то, что прежде чѣмъ я рѣшился разстаться съ шляхтою и всѣмъ ея нравственнымъ достояніемъ, я испробовалъ всѣ пути примиренія; вы знаете и то, какъ были съ вашей стороны встрѣчены всѣ попытки уговорить вельможныхъ къ человѣчному обращенію съ крестьянами, къ заботѣ о просвѣщеніи народа, основанномъ на его собственныхъ національныхъ началахъ, къ признанію южно-русскимъ, а не польскимъ, того, что южно-русское, а не польское; вы были, вѣдь, свидѣтелемъ, какъ подобныя мысли возбудили, вмятали, свистъ и смѣхъ, потомъ гнѣвъ и брань, и наконецъ ложные доносы и намеки о колѣвщинѣ. Послѣ этого, конечно,

оставалось или отречься отъ своей совѣсти, или оставить ваше общество:—я выбралъ второе, и надѣюсь, что трудомъ и любовью заслужу когда нибудь, что украинцы признають меня сыномъ своего народа, такъ какъ я все готовъ раздѣлить съ ними. Надѣюсь тоже, что, со временемъ, среди польскаго шляхетскаго общества, живущаго въ Украинѣ, поворотъ къ народу и сознаніе необходимости трудиться на его пользу—раньше или позже станетъ нравственною потребностью не только отдѣльныхъ лицъ—какъ теперь, а вообще всѣхъ, кто въ силахъ будетъ обсудить свое положеніе и свои обязанности, и не предпочтетъ мечты насущному, вызванному собственной совѣстью, дѣлу. И такъ, г. Падалица, вы правы! я—*перевертень*, и я горжусь этимъ, такъ точно, какъ я гордился бы въ Америкѣ, еслибъ сталъ аболиціонистомъ изъ плантатора, или въ Италіи, еслибъ, просвѣтивъ свой образъ мыслей, я изъ паписта сдѣлался честнымъ, трудолюбивымъ слугой общенароднаго дѣла“.

Группа „хлопомановъ“ была сначала не совсѣмъ малочисленна среди польской (или говоря тогдашнимъ оффиціальнымъ выраженіемъ—„католической“) молодежи въ Кіевѣ,—но когда нѣкоторые изъ нихъ такъ радикально поставили вопросъ, какъ г. Антоновичъ,—(а такъ пришлось поставить его именно въ 1861 г., когда и въ Кіевѣ пришелъ сигналъ готовиться къ возстанію за возстановленіе исторической Польши),—группа эта сократилась до нѣсколькихъ человѣкъ, которые примкнули къ группѣ „православныхъ“ украинцевъ, состоявшей почти исключительно изъ лѣвобережцевъ. Испугавшись радикальной постановки вопроса національнаго, бывшіе поляки хлопоманы и тѣ изъ демократовъ, которые сначала сочувствовали имъ, пошли на уступки помѣщичьей партіи и по вопросу соціально-экономическому. Причину этой уступчивости очертилъ довольно вѣрно другой молодой хлопоманъ, котораго имя гремѣло тогда по польскимъ панскимъ дворамъ и газетамъ, вмѣстѣ съ именемъ г. Антоновича, какъ будущихъ Гонты и Зализняка,—г. Рыльскій, въ надѣлавшей тогда много шуму въ кіевскихъ кружкахъ и въ самомъ дѣлѣ очень любопытной статейкѣ „Дворяне праваго берега Днѣпра“, въ „Основѣ“ 1861, № 12 *).

*) Вотъ въ какомъ винегретѣ изображали своей публикѣ кіевскихъ хлопомановъ тогдашнія польскія газеты: „Въ кіевскомъ университетѣ возникла партія русская, такъ называемые хлопоманы, по наущенію извѣстныхъ пособниковъ русской идеи Иванова, Костомарова, Галагана, Аксакова и т. п. Изъ нѣдръ этой партіи, во имя любви къ народу, братскаго равенства и т. п. хорошихъ вещей произошли миссіи по краю, будто бы для обороны народа отъ кривды, могущей послѣдовать отъ шляхты въ пору рѣшенія крестьянскаго вопроса. Правительство смотрѣло на то сквозь прозрачную завѣсу и терпѣло по краю безумныхъ эмиссаровъ и даже скрытно помогало имъ. Оно имѣло для этой цѣли Антоновичей, Рыльскихъ и т. п. сумасшедшихъ, очарованныхъ московскою клякой, которые совсѣмъ отреклись отъ любви къ Польшѣ, чтобъ осуществить составленную ими малорусскую утопію. Всесильная пропаганда по надѣ берегамъ Днѣпра въ традиціонной области казачества, похороны Шевченко, устроенная для него могила, путешествія къ этой Меккѣ малорусскаго на-

Очертивъ разные виды дворянъ праваго берега Днѣпра, г. Рыльскій говоритъ о демократической молодежи: „Но отъ всѣхъ этихъ отѣнковъ рѣзко отдѣляется значительная часть болѣе просвѣщенной здѣшной молодежи. Они въ самомъ дѣлѣ довольно искренно сочувствуютъ положенію народной массы, они готовы на личныя пожертвованія въ пользу своихъ идей, но у нихъ есть кой какія преданія, почерпнутыя изъ той среды, изъ которой они вышли, и которыя ихъ заставляютъ нерѣдко противодѣйствовать интересамъ народной массы... Такъ нѣкоторые изъ нихъ защищаютъ слѣдующій силлогизмъ: потребности народа выражаются въ его просвѣщенныхъ представителяхъ; такъ какъ болѣе просвѣщенная часть здѣшняго общества (*inteligencja kraju*) ополячилась, то, значитъ, здѣшній край польскій. И эти люди считаютъ себя демократами!...“

Болѣе радикальные изъ этихъ людей были авторами „Золотой Грамоты къ сельскому люду Волыни, Подоли и Украины“ и погибли съ нею въ печальные дни конца Апрѣля и начала Мая 1863 г.,—и что всего ужаснѣе, погибли, не заронивши въ убивавшихъ и арестовывавшихъ ихъ крестьянахъ ян зерна мысли, которая могла бы со временемъ лечь въ основу новой попытки къ борьбѣ за свободу края и благо народа! Крестьяне-украинцы били ихъ, какъ представителей гнета соціального и національнаго, сосредоточеннаго для нихъ въ одномъ словѣ—„Польша“!

Эта неизбежная участь была предсказана польскимъ демократамъ на Украинѣ послѣдовательными „хлопоманами“ еще въ 1861 г. Но едва только молодые хлопоманы заявили своимъ товарищамъ свой отказъ принять участіе въ польскомъ возстаніи, какъ сейчасъ г. Антоновичъ былъ потребованъ къ мѣстному предводителю дворянства, гдѣ нашелъ цѣлый сеймикъ дворянъ, который потребовалъ отъ него отказа отъ хлопманской деклараціи, угрожая въ противномъ случаѣ преслѣдованіемъ со стороны русскаго правительства! Отказа, конечно, не послѣдовало,—и за тѣмъ гг. Антоновичъ и Рыльскій были дѣйствительно привлечены къ слѣдствію со стороны секретной политической комиссіи при генераль-губернаторѣ „за коммунистическую пропаганду среди крестьянъ“. Только общее, еще тогда конфузливое, настроеніе правительства и благодушіе тогдашняго кіевскаго ген. губернатора, кн. Васильчикова, сохранили ихъ отъ ссылки въ восточныя губерніи.

О такихъ характерныхъ фактахъ и вообще объ украинской „хлопоманіи“ и отношеніи къ ней польскаго общества и печати совсѣмъ ничего не знали въ великорусскихъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ кругахъ. О дѣлѣ гг. Антоновича и Рыльскаго въ „Колоколѣ“ находимъ только слѣдующую замѣтку: „Правда ли, что братья (?) Рыльскіе, студенты кіевскаго университета, сосланы въ Казань, по доносу князя Васильчикова, за то что они обращаются по братски съ своими кре-

рода, введенныя хлопоманами,—все это дѣлаетъ на народъ сильное впечатлѣніе“. (*Tygodnik Poznanski*, 1863, № 3). Опять таки, подобные винегреты можно встрѣтить теперь въ доносахъ московскихъ централистовъ на ихъ противниковъ.

стями?» (Колок., 1 Юня, 1861) Положимъ, живя въ Лондонѣ, издатели „Колокола“ съ трудомъ могли знать, кто донесъ „на братьевъ Рыльскихъ“,—хотя и тамъ можно было хотъ просматривать „Основу“. Но въ Россіи можно было съ большимъ удобствомъ знать, что дѣлалось въ томъ краѣ, гдѣ тоже должно было, при поддержкѣ и великорусской оппозиціи, совершиться польское возстаніе,—но великорусскіе революціонныя кружки въ столицахъ и на Поволжьи, гдѣ готовили крестьянское возстаніе, единовременное съ польскимъ,—не только того не знали, но, сколько мы помнимъ, по бесѣдамъ съ нѣкоторыми изъ пріѣзжавшихъ тогда въ Кіевъ изъ Петербурга членовъ „Земли и Воли“ и однимъ членомъ казанскаго кружка, можно сказать, не хотѣли знать *). Великорусскимъ демократамъ казалось, что „тотъ не любитъ свободы“, кто не сочувствуетъ польскимъ стремленіямъ, а тѣмъ болѣе кто считалъ нужнымъ противудѣйствовать имъ въ чемъ бы то ни было.

Отчасти такое отношеніе къ „польскому дѣлу“ далекихъ отъ западнаго края русскихъ объясняется совершенно естественною реакціе противъ крайне безтактной и тупой политики правительства. Реакція эта особенно должна была быть сильною среди тѣхъ изъ образованныхъ русскихъ, которые судьбою были заброшены въ самую коренную Польшу. Здѣсь образовался „комитетъ русскихъ офицеровъ“, который находился въ сношеніяхъ съ кружкомъ „Земли и Воли“ и съ лондонской эмиграціей. Комитетъ этотъ обнародовалъ 5 ноября 1862 г. прокламацію къ „офицерамъ русскихъ войскъ“, въ которой слѣдующимъ образомъ объяснилъ причины своего присоединенія къ польскому возстанію:

„Центральный Варшавскій комитетъ, стоящій нынѣ въ главѣ польскаго движенія, заявилъ намъ, что его цѣль—надѣленіе всѣхъ (?) польскихъ крестьянъ землею, уравниеніе всѣхъ правъ и уничтоженіе сословной розни; независимость Польши отъ петербургскаго и другихъ нѣмецкихъ правительствъ и признаніе за всѣми областями, соединенными (?) съ Польшей воспоминаніями прошедшаго (!), права располагать собою—помимо всѣхъ государственныхъ, какъ польскихъ, такъ и русскихъ соображеній. Только на этихъ основаніяхъ, мы и наши солдаты готовы примкнуть къ польскому возстанію, потому что тѣ же основанія и нашей русской свободы“.

Вотъ тутъ то и припоминаешь слова Чернышевскаго о недостаточности однихъ инстинктовъ и о необходимости политическаго образованія и такта для общественной дѣятельности. Одно дѣло—не хотѣть быть чѣмъ либо палачемъ,—и совсѣмъ другое дѣло—присоеди-

*) Очень жаль, что до сихъ поръ такъ мало извѣстно опредѣленнаго о казанскихъ революціонныхъ кружкахъ, а между тѣмъ они, какъ и харьковскій кружокъ, арестованный въ началѣ 1860 г., представляютъ самыя раннія попытки революціоннаго дѣйствія при Александрѣ II, и, по нѣкоторымъ частностямъ, дошедшимъ до насъ, въ нихъ федеративная идея была яснѣе сознаваема, чѣмъ въ петербургскихъ кружкахъ „Земли и Воли“. Нѣкоторыя данныя о казанскихъ кружкахъ см. въ „Подпольномъ Словѣ“ 1866. № 2.

ниться къ программѣ, которая идетъ въ разрѣзъ съ основами собственныхъ политическихъ стремленій и связать свое дѣло съ дѣломъ, которое, при внимательномъ анализѣ, оказалось бы и чужимъ, и безнадёжнымъ даже со стороны возможности оставить по себѣ ясную руководящую идею.... Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ „комитета русскихъ офицеровъ“, Потебня, кажется, наконецъ замѣтилъ свою ошибку, но поздно! Попавши въ лагерь Лангевича, который между прочимъ писалъ въ одной изъ своихъ прокламаций (отъ 9 февраля 1863 г., къ дворянамъ воеводства Сендомірскаго) что онъ не потерпитъ возобновленія рѣзни крестьянами пановъ, какъ въ Галиціи въ 1846 г.,—Потебня писалъ своимъ друзьямъ (3 марта): „Пишу къ вамъ изъ лагеря Лангевича. Я рѣшился остаться здѣсь... Надежды сдѣлать что нибудь мало. Попробуемъ“... (Колоколъ, № 162). Черезъ нѣсколько дней Потебня „во время сраженія, не смотря на всѣ убѣжденія, схватилъ косу,—во главѣ колонны пошелъ въ атаку и погибъ“... (тамже).

* * *

Переенесеніе польскаго возстанія на берега Днѣпра и присоединеніе къ нему великорусскихъ либераловъ и демократовъ имѣло фатальное послѣдствіе и для „польскаго дѣла“ въ частности, и для либерально-демократическаго движенія въ Россіи вообще. До тѣхъ поръ пока польское движеніе разыгрывалось преимущественно въ Польшѣ и отчасти въ Литвѣ, средніе образованные люди въ Россіи были болѣе или менѣе сочувственно настроены въ его пользу, тѣмъ болѣе что вначалѣ можно было предполагать, что правительство принуждено будетъ дать конституцію Царству Польскому, а это, думалось тогда, должно будетъ повести за собою такую же мѣру и въ остальной Россіи. Въ пользу подобной увѣренности говорило созваніе сейма финляндскаго, котораго не созывали съ самаго времени присоединенія княжества къ Россіи. Заявленіе намѣренія польскаго революціоннаго правительства овладѣть и Поднѣпровьемъ дало толчекъ къ повороту общественнаго мнѣнія противъ поляковъ Крестьянская же реакція противъ возстанія, особенно рѣзко проявившаяся въ Кіевской губерніи,—усилила этотъ поворотъ, которымъ не могли не воспользоваться реакціонеры для отрицанія всѣхъ требованій поляковъ.

Съ тѣхъ поръ установилось въ значительной части русскаго общественнаго мнѣнія убѣжденіе, что полякамъ опасно дѣлать какіе бы то ни было уступки даже и въ Царствѣ Польскомъ, такъ какъ уступки эти ихъ не удовлетворяютъ, а только послужатъ операціоннымъ базисомъ для наступательнаго движенія и на Поднѣпровье. Вообще же не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ, покушенія польскихъ революціонеровъ на непольскія земли и отпоръ, оказанный имъ непольскими массами, подкопали довѣріе къ самому принципу, на какомъ только и основывалось общее сочувствіе польскимъ политическимъ стремленіямъ, именно къ убѣжденію, что стремленія эти имѣютъ подъ собою живое національное тѣло. Отношеніе, въ какое поставили себя патріоты польскіе къ русинамъ въ Галиціи, должно было поддержать отрицательный поворотъ во взглядахъ общественнаго мнѣнія и въ Россіи, и отчасти за границей на польскій патріотизмъ.

Во время самого возстанія нѣкоторые иностранцы, принявшіе въ немъ участіе, могли собственнымъ наблюденіемъ провѣрить, какъ мало дѣйствительно народнаго было въ этомъ дѣлѣ. Такъ Ариезъ писалъ въ письмѣ, читанномъ на собраніи „Союза мира и свободы“ въ 1871 г.: „неуспѣхъ послѣдняго возстанія доказалъ ясно, что причина общаго равнодушія, оказаннаго крестьянами,—лежитъ въ забвеніи, въ какомъ держали народъ (образованные люди) и въ отсутствіи гарантій, которыя бы представляло ему будущее въ случаѣ успѣха возстанія. Я самъ слышалъ, какъ крестьяне громко говорили, что „надъ ними смѣются, приглашая ихъ проливать кровь для возстановленія привиллегій пановъ“. Этотъ духъ недовѣрія врожденъ польскому крестьянину, и, можно сказать, онъ его всасываетъ съ молокомъ матери“. (Bulletin officiel du cinquième congrès de Ligue internationale de la Paix et de la Liberté. 1871. 140—141).

Судя по тому, что теперь пишется о Польшѣ въ англійской и французской литературахъ, (особенно въ послѣдней,—см. сочиненія гг. Леже, А. Рамбо, Э. Реклю, А. Леруа-Болье) уже нельзя напередъ и ждать ничего подобнаго тому довѣрію къ словамъ польской эмиграціи, какимъ она пользовалась въ либеральныхъ кружкахъ въ 1831—1863 гг. Совсѣмъ напротивъ, у нѣкоторыхъ авторовъ,—особенно у гг. Леже и Леруа-Болье,—реакція старому довѣрію польскимъ эмигрантамъ смѣнилась нѣкоторымъ оптимизмомъ по отношенію не только къ Россіи вообще, но и къ русскому правительству въ частности *).

Одновременно съ тѣмъ, какъ падалъ кредитъ польскихъ патріотическихъ стремленій, падала сила и русскаго либеральнаго движенія. Хотя это движеніе не имѣло за собою въ русскомъ обществѣ и такихъ организованныхъ силъ, какія имѣло у себя польское національно-католическое движеніе, но тѣмъ не менѣе передъ 1863 г. напоръ его на правительство былъ довольно чувствителенъ. Самодержавіе стало задыхаться въ образовавшейся около него оппозиціонной атмосферѣ. Самъ царь не только согласился на созывъ финляндскаго сейма и на вставку въ триную рѣчь фразы о „народахъ, которые показываютъ себя достойными свободы“, но въ отвѣтъ на адресъ петербургской думы и дворянъ, протестовавшей противъ виѣшательства иностранной дипломатіи въ польское дѣло, долженъ былъ показать въ перспективѣ возможность „призванія общества къ участію въ государственныхъ дѣлахъ“. Объ этомъ призваніи довольно ясно заговорили адреса тверской и, кажется, костромской. Не говоря о западникахъ и даже славя-

*) Кто читалъ новыя заграничныя сочиненія о Россіи и Польшѣ, тотъ не могъ не замѣтить въ нихъ вліянія знакомства новыхъ заграничныхъ писателей съ историческими и этнографическими трудами писателей украинскихъ. Это знакомство способствовало, быть можетъ, болѣе всего разложенію прежняго довѣрія къ показаніямъ польскихъ историческихъ патріотовъ. Но это же обстоятельство налагаетъ на украинскихъ писателей обязанность противодѣйствовать и тому оптимизму по отношенію къ оффіціальной Россіи, о которомъ мы говорили выше и который невыгоденъ для истинныхъ интересовъ какъ украинскихъ, такъ и польскихъ, да и вообще всероссійскихъ и даже всеевропейскихъ.

нофилахъ, которые довольно ясно (особенно для нихъ) говорили о земскомъ соборѣ, самъ г. Катковъ помѣстилъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (1863, № V) статью „Что намъ дѣлать съ Польшей?“,—въ которой статья предлагалъ потопить польскій сепаратизмъ въ представительствѣ всей Россіи и заботился только о томъ, какъ бы это представительство не получило правъ, большихъ, чѣмъ, права совѣщательнаго собранія, въ родѣ старыхъ московскихъ земскихъ соборовъ. (Теперь и такія требованія г. Катковъ называетъ крамолой!)

Дискредитированіе передовыхъ круговъ великорусскаго либеральнаго движенія сочувствіемъ къ польскимъ покушеніямъ на всю западную половину Россіи и крестьянская реакція польскому возстанію, неизбѣжно принявшая роялистическую форму, дали возможность абсолютизму перевести духъ и мало по малу заставить позабыть даже собственныя обѣщанія. И что особенно любопытно,—реакція, наставшая послѣ польскаго возстанія, хотъ и должна была въ западныхъ губерніяхъ, для самой борьбы съ возстаніемъ, пользоваться демократическими идеями, пущенными въ оборотъ оппозиціей въ время, предшествовавшее возстанію,—но во внутреннихъ губерніяхъ она дала перевѣсъ крѣпостнической партіи даже и въ соціально-экономическихъ вопросахъ, а не въ однихъ только политическихъ.

Послѣ Каракозовщины,—порожденной этой реакціей,—прекратилась императорская демократія и на западѣ отъ Днѣпра, и вся Россія пришла въ то соціальное положеніе, въ какомъ мы ее видимъ теперь. А вмѣстѣ съ тѣмъ и на Польшу распространена была политика рѣшительнаго обрусенія, изобрѣтенная старыми и новыми реакціонерами, ссылавшимися на примѣръ Франціи въ Эльзасѣ и Пруссіи въ Познани.

Такимъ образомъ возстаніе 1863 г. за „историческую Польшу“ не только на смерть подкосило кредитъ польскаго историческаго патріотизма,—что собственно не бѣда,—но задержало на долго исполненіе самыхъ законныхъ требованій польской національности, а также установленіе политической свободы и даже необходимѣйшихъ соціальныхъ реформъ во всей Россіи. Положительные результаты принесло это возстаніе въ томъ краѣ, въ которомъ оно разыгрывалось, только косвенно,—и при томъ не на національно-политическомъ полѣ, на которомъ оно преимущественно стояло, но на соціально-экономическомъ. Возстаніе заставило правительство выступить съ болѣе радикальною аграрною политикой и въ западныхъ губерніяхъ, и въ Царствѣ Польскомъ, чѣмъ та, которой держалось правительство до тѣхъ поръ. А такъ какъ эта политика соотвѣтствовала и соціально-экономическимъ идеямъ извѣстной части польской демократіи еще съ 1831 г.,—то это обстоятельство даетъ крайне трагическій смыслъ польскимъ революціоннымъ движеніямъ послѣ возстанія 1830—31 г.

Старая Польша грѣшила главнымъ образомъ рабствомъ крестьянъ, которое составляло такой контрастъ съ свободой шляхты. Благодаря этому контрасту да антагонизму національностей, Польша эта и подверглась иноземному поработченію. Въ 1831 г. революціонный сеймъ въ Варшавѣ отвергъ благопріятныя для крестьянъ предло-

женія Шаньцакаго и Бѣрнацкаго,—и съ тѣхъ поръ каждое польское возстаніе въ Австріи и Россіи вело за собою шагъ къ исправленію грѣха старой Польши передъ крестьянами, только прежде всего съ пожертвованіемъ головъ самихъ повстанцевъ, прежде всего, конечно, именно демократовъ. Въ 1846 г. польскіе крестьяне въ западной Галиціи перебили повстанцевъ, а за ними и много помѣщиковъ,—и въ то же время Николай I попробовалъ положить конецъ обезземеливанію крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ 1848 г. австрійское правительство отвѣтило на польскія патріотическія демонстраціи въ Львовѣ указомъ о прекращеніи панщины. Въ 1863 г. крѣпостникъ Муравьевъ превратился въ эманципатора бѣлорусскихъ и литовскихъ крестьянъ, а въ Царство Польское посланъ былъ Н. Милютинъ, котораго высшіе круги въ Петербургѣ считали фурьеристомъ. Большинство польскихъ патріотовъ, даже очень нечуждыхъ демократическимъ идеямъ, и до сихъ поръ считаютъ разбоемъ аграрныя мѣры, принятыя русскимъ правительствомъ въ западномъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ въ 1863—1864 гг. Но между людьми, погибшими въ то время, были такіе, которые радовались этимъ мѣрамъ, хотя радость ихъ была по истинѣ трагична. Вотъ что писалъ Рафаиль Краевскій, за нѣсколько дней передъ смертію, объ указахъ въ пользу крестьянъ: „Какъ вижу, дѣла въ краѣ идутъ хорошо. Пусть тамъ краковскія газеты, какъ хотятъ, называютъ крестьянскую реформу, пусть называютъ новыя постановленія социализмомъ; для меня онѣ представляются особеннымъ явленіемъ конституціонализма, который всегда до сихъ поръ шелъ сверху внизъ, а у насъ начинается снизу. Развѣ славянская община не можетъ быть лучшею завязью будущаго, чѣмъ учрежденія Запада, гдѣ самоуправленіе выросло изъ аристократіи? По крайней мѣрѣ безспорно, что, начинаясь снизу, прогрессъ идетъ скорѣе, нежели начинаясь сверху. Наконецъ, такой ходъ—самый успѣшный и единственный для Польши, въ которой сельское населеніе составляетъ такое большинство; при такомъ способѣ идея не задержится въ кастѣ, потому что здѣсь каста повсемѣстна,—это не каста! Пусть тамъ, кто хочетъ, обманываетъ себя, а то, что сдѣлано, есть только началомъ того, что дальше должно сдѣлаться. Толчекъ данъ. А уже эта миллионная масса не задержится въ своемъ ходѣ. Программа Костюшки выполнится. Шляхта не хотѣла во время существованія Рѣчи Посполитой, отказаться отъ своихъ привилегій,—такъ всѣ сдѣлаются шляхтичами, но только не такъ, какъ давняя шляхта“. (Rafał Krajewski. Polska w walce, wyd. Ag. Giller. Т. II, 137. Мы дѣлаемъ выписку по книгѣ *Ostatnie lata dziejów powszechnych od 1846 r.* 175). Съ своей стороны Герценъ еще въ 1863 г. подобнымъ же образомъ оцѣнилъ косвенный социальный результатъ польскаго національно-политическаго движенія. Сначала и онъ взялъ нѣсколько фальшивыхъ нотъ на тему объ „императорской пугачевщинѣ“, пробовавшихъ объяснить крестьянскую реакцію польскому возстанію исключительно подуськиваніемъ чиновниковъ *). Герценъ

*) На подобной точкѣ зрѣнія построено описаніе крестьянской реакціи въ Бѣлоруссіи и даже въ Украинѣ 1863 г. въ книгахъ г. Гвалера *Historja Powstania*

вѣрилъ польскимъ патріотамъ, которые утѣшали себя, будто и Гонтусъ Зализнякомъ подняла „гайдамачущая императрица“ и будто галиційскую рѣзню 1846 г. устроилъ Метернихъ, и поскользнулся было на эту дорогу и въ маѣ 1863 г. Но уже въ іюлѣ 1863 г. Герценъ написалъ въ „Колоколѣ“ замѣтку: „А дѣло идетъ своимъ чередомъ!“ взявши для нея эпиграфомъ слова, которыми лордъ Эленборо протестовалъ въ палатѣ лордовъ противъ аграрныхъ мѣръ въ литовско-бѣлорусскихъ краяхъ. „Въ томъ то и состоитъ вся непреодолимая сила *дѣла*, писалъ Герценъ, вся нѣкогда умилявшая чувствительныхъ естество-испытателей *упорная экономія* и настойчивость природы. Весь секретъ ея состоитъ въ томъ, что если дѣло хорошо заквашено,—то вертись, какъ хочешь, оно пойдетъ своимъ чередомъ, ему все на пользу, какъ иному обжорливому ребенку: ѣстъ себѣ всякую всячину, животъ болитъ, а самъ растетъ.

„Много разъ ставили мы вопросъ,—кому служатъ всѣ ужасы, дѣлаемые въ западныхъ губерніяхъ, кому они идутъ въ прокъ, въ чью игру играютъ? И намекали, что *суженого конемъ не объѣдешь*. (Колок. л. 165). Но наши слова мало обращали вниманія. Ну, вотъ наконецъ явился лордъ Эленборо, который съ британскою откровенностью, въ полномъ парламентѣ, да еще въ высшемъ, сказалъ, въ чью, и назвалъ суженого.—„Россійскій Императоръ первый революціонеръ въ Европѣ; онъ становится во главѣ освобожденныхъ крестьянъ противъ прежнихъ изъ господъ, противъ землевладѣльцевъ, противъ собственности“.

„Мы воображаемъ, какіе глаза Юноны сдѣлаетъ Александръ Николаевичъ, прочитавши слова л. Эленборо...

„Еслибъ Александръ Николаевичъ читалъ „Колоколъ“ какъ прежде, его Эленборо не удивилъ бы.... Тамъ онъ могъ бы прочесть еще два три назидательныя мѣста и между прочимъ узналъ бы нашу философію *дѣла, идущаго своимъ чередомъ*, и зародыша, развивающагося путемъ *безумнымъ*, когда ему нѣтъ разумнаго выхода....

„.... Что можетъ быть противоположеніе усмирению возстанія, какъ революція? А Эленборо совершенно правъ: муравьевское усмирение политически-національнаго возстанія—аграрная коммунистическая (?) революція, пугачевщина, организованная самимъ правительствомъ“. (Колоколъ, 4 авг. 1863).

Narodu Polskiego w 1861—64 г.“ Между тѣмъ одинъ старый польскій дѣятель изъ Украйны рассказывалъ намъ, что когда около одного села въ кіевской губерніи крестьяне били повстанцевъ, то одинъ русскій офицеръ замѣтилъ крестьянамъ, которые добивала уже поваленныхъ поляковъ: „за чѣмъ вы ихъ бьете!? Они и такъ уже лежатъ!“ Тогда одинъ окровавленный полякъ приподнялся и проговорилъ: „оставьте,—пусть бьютъ! Мы виноваты передъ ними! много виноваты!“ Кровь бросается въ голову, когда слышишь о такихъ сценахъ,—но онѣ заставляютъ больше вѣрить въ будущее польскихъ образованныхъ классовъ, чѣмъ рутинныя объясненія всякой, въ томъ числѣ и крестьянской, реакціи противъ традиціонныхъ польскихъ движеній австрійскими гульдонами и московскими рублями, особенно когда эти объясненія встрѣчаешь въ писаніяхъ демократовъ и даже социальныхъ демократовъ.

Такимъ образомъ польское возстаніе закончилось результатомъ гораздо болѣе близкимъ къ ученію, которое высказалъ Герценъ въ 1859—60 гг.,—чѣмъ къ идеямъ самихъ польскихъ революціонеровъ: а именно противъ плана отдѣленія Польши, особенно въ границахъ XVIII в., и въ пользу принципа, подчинявшаго политическій вопросъ экономическому. Надо сказать, что послѣдній принципъ былъ и есть особенно крѣпокъ у великорусскаго передоваго общества. Что касается поляковъ, то рѣдко кто изъ нихъ такъ объективно отнесся къ фатальному торжеству этого принципа, какъ Краевскій; огромное большинство протестовало противъ его приложенія и, подобно лорду Эленборо, обвиняло русское правительство въ революціонизмъ; другіе ограничивались тѣмъ, что оспаривали у этаго правительства честь инициативы въ дѣлѣ лучшаго устройства крестьянъ. Вопросъ объ инициативѣ не имѣетъ въ данномъ случаѣ большаго значенія, тѣмъ болѣе, что, кажется, главною причиною, обязавшею и польскихъ политиковъ, и правительство сдѣлать уступки крестьянамъ, были сами крестьяне съ ихъ крайне нетерпѣливымъ настроеніемъ относительно пановъ, которое во время возстанія должно было достигнуть особенно сильной степени. Важенъ самый фактъ—разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ духѣ какъ великорусскихъ демократовъ, такъ и крайней польской партіи, которая какъ этимъ фактомъ, какъ и самымъ прекращеніемъ возстанія, поставлена была въ необходимость отдѣлаться отъ польскихъ консервативныхъ элементовъ,—по крайней мѣрѣ на извѣстное время.

Въ польской эмиграціи, вслѣдъ за концомъ возстанія, мы видимъ преимущественную жизненность, именно въ демократической партіи и при томъ особенно въ той ея части, которая имѣла наиболѣе социалистическую окраску. По крайней мѣрѣ ей принадлежитъ наибольшая часть публикацій, возникшихъ въ эмиграціи съ 1864 г. (см. въ вышеупомянутой книгѣ *Ostatnie lata dziejów powszechnych*, 1881, 297—299).

Еще болѣе отбросили свои союзы съ болѣе консервативными польскими лагерями эмигранты великорусскіе, которые теперь возвратились къ своимъ прежнимъ социалистическимъ ученіямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ своему отрицательному отношенію къ идеѣ возстановленія исторической Польши. Мы познакомились уже съ признаніями на этотъ счетъ Герцена. Но Герценъ послѣ неудачи польскаго возстанія мало уже принималъ участія въ активной политикѣ. Представителемъ великорусской демократіи сталъ Бакунинъ, который продолжалъ политическія сношенія съ поляками и публично высказывался о Польшѣ и ея дѣлахъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни Бакунинъ посвящалъ свою дѣятельность „Союзу Соціальныхъ Революціонеровъ“, въ качествѣ вліятельнаго представителя котораго онъ принималъ участіе и въ „Международномъ Союзѣ Мира и Свободы“, и въ „Международномъ Обществѣ Рабочихъ“. Въ обѣихъ организаціяхъ Бакунинъ представлялъ такъ называемое *ан-архическое* направленіе. Теперь уже нѣсколько забыты формулы этаго направленія, которыя въ свое время надѣ-

ляли столько шуму въ социалистическихъ и даже радикально-политическихъ кругахъ,—а потому было бы полезно напомнить ихъ подростшимъ съ тѣхъ поръ поколѣніямъ. Это было бы тѣмъ болѣе полезнымъ, что противныя социализму партіи, злоупотребляя обычнымъ, разговорнымъ смысломъ слова „анархія“, въ значеніи „безпорядка“, набрасываютъ эпитетъ анархистовъ на всѣхъ социалистовъ,—въ томъ числѣ и на тѣхъ, которые, подобно нѣмецкимъ и извѣстной части бельгійскихъ и швейцарскихъ социалистовъ, въ свое время много сломали копій въ борьбѣ противъ ан-архій бакунинскаго толка,—а съ другой стороны значительная часть тѣхъ людей, которые теперь сами зовутъ себя анархистами (во Франціи и отчасти въ другихъ странахъ) на самомъ дѣлѣ имѣютъ въ себѣ очень мало дѣйствительно ан-архическаго элемента, въ томъ смыслѣ, какъ его опредѣлили Прудонъ и за нимъ Бакунинъ, и принимаютъ въ составъ свой отстатки якобинскихъ партій (бланкистовъ), не нашедшіе себѣ мѣста въ правительственныхъ кругахъ и пристающіе къ дѣйствительнымъ ан-архистамъ единственно потому, что эти представляютъ собою крайній протестующій и,—in spe,—революціонный элементъ, и, приставаая, только спутываютъ понятія у самихъ анархистовъ. Здѣсь, конечно, не мѣсто долго останавливаться на подробномъ изложеніи сущности ан-архическаго направленія, которое въ данномъ случаѣ интересно намъ только по его отношенію къ польско-россійскому вопросу.

Ученіе объ ан-архій, т. е. безвластіи,—какъ противоположность монархическимъ, конституціоннымъ и республиканскимъ теоріямъ Франціи 40-хъ и 50-хъ годовъ, всѣмъ болѣе или менѣе централистическимъ, опредѣлено было Прудономъ, какъ ученіе о полной независимости личности и неотчуждаемости ея правъ ни для какой власти, ни даже избирательно-представительной, какъ управление каждаго индивидуума только самимъ собою,—почему Прудонъ ставитъ слову ан-архія синонимъ англійское слово *self-government*. Въ практическомъ ея примѣненіи теорія ан-архій приводила къ федерализму, почему и Прудонъ изложилъ наиболѣе полно эту теорію въ книгѣ „Du principe fédératif et de la nécessité de reconstituer le parti de la révolution“. У самого Прудона, а еще болѣе у Бакунина къ ученію объ ан-архій примѣшалось довольно гегеліанской метафизики, которая порядкомъ сбивала ихъ послѣдователей. Такъ Бакунинъ рѣзко противопоставлялъ свою ан-архію всякой существующей и даже теперь вообразимой формѣ политической, какъ гегеліанскую *антитезу* (противуположеніе) существующему положенію (*теза*), послѣ полного разрушенія котораго,—посредствомъ ли воздержанія благомыслящихъ гражданъ отъ теперешней государственной жизни, (преимущественно на Западѣ) или посредствомъ народныхъ бунтовъ послѣдуетъ *синтеза*, возсозданіе общественныхъ союзовъ *снизу вверхъ*, отъ индивидуума до ассоціаціи, общины, націи, человечества. Процессъ „разрушенія“ государствъ, не только большихъ, но и малыхъ, какъ швейцарскіе кантоны, Бакунинъ представлялъ себѣ въ нѣсколько фантастическихъ формахъ, какъ какую то катастрофу, забывая, что въ мірѣ не существуетъ процесса разрушенія отдѣльнаго отъ

созиданія и на оборотъ. Что касается до Россіи, то остатки гегеліанско-московскаго мессіанизма, о которомъ ны говорили, побуждали Бакунина представлять себѣ русскія племена, особенно великорусское, какииъ то противугосударственнымъ народомъ по преимуществу, какъ „народъ социалистическій по инстинкту и революціонный по природѣ“, способный, при маломъ толчкѣ со стороны образованныхъ революціонеровъ „разрушить“ всероссійское государство *). Нѣкоторую запутанность въ понятія объ общественной жизни вносило то приложеніе ан-архической идеи къ социализму, которое имѣло болѣе политическій, чѣмъ экономическій характеръ и которое настаивало на безусловномъ экономическомъ самодержавіи лицъ и общинъ,—забывая, что въ экономическомъ отношеніи собственно нѣтъ лица самостоятельнаго и что самодержавіе лица и общины неизбежно должно подчиняться условіямъ производства вещей, необходимыхъ для человѣческой жизни.

Но за этими и подобными ограниченіями, ученіе объ ан-архизмѣ заключаетъ въ себѣ основу для здоровой федеральной теоріи, которая особенно была полезна для Франціи, гдѣ столь долго приносили свободу лицъ и группъ въ жертву безусловнымъ теоріямъ государства монархическаго, конституціоннаго и республиканскаго, въ жертву единства религіознаго, политическаго, національнаго и наконецъ коммунистическаго. Не смотря на частое повтореніе слова „ан-архія“ молодыми русскими социалистами въ 70-е годы, когда кружокъ русской, группировавшійся около Бакунина въ Швейцаріи, издалъ книгу Бакунина „Государственность и анархія“ и книгу „Анархія по Прудону“,—и не смотря на то, что реакціонная печать называетъ всѣхъ русскихъ революціонеровъ „анархистами“, въ сущности анархическо-федеративныя идеи очень мало проникли въ Россію и въ настоящее время почти испарились даже въ кругахъ революціонеровъ, изъ которыхъ „политики“ (террористы) идутъ фатальнымъ образомъ къ якобинскому централизму, а такъ называемые „чистые социалисты“ (мы сказали бы „чернопередѣльцы“, если бы въ этомъ словѣ былъ какойнибудь общій смыслъ) къ государственной (и неизбежно государственно-національной) социальдемократіи, на манеръ нѣмецкой, съ которою такъ боролся старикъ-Бакунинъ еще въ вышеупомянутой книгѣ своей (1873). Анархическія, т. е. федеральныя идеи въ политикѣ, и въ социализмѣ еще ждутъ себя приверженцевъ.

Понятно, какъ должна была разложиться послѣдняя тѣнь апріорно-государственнаго ученія о Польшѣ и Россіи подъ вліяніемъ ан-архической теоріи Бакунина. Этотъ послѣдній воспользовался случаемъ, представившимся на собраніи „Союза Мира и Свободы“ въ 1868 г. (въ Бернѣ) чтобъ изложить свои взгляды на польско-россійскій вопросъ,

*) Эту сторону ученій Бакунина и другихъ великорусскихъ революціонеровъ, весьма неблагоприятную реальному направленію усилій социалистовъ въ Россіи,—и еще долженствующую принести массу разочарованій „русскимъ народникамъ“ мы разбирали подробно въ IV т. „Громады“, стр. 204—207.

отличные отъ тѣхъ, какіе онъ одобрилъ было въ к. 1862 г., хотя и довольно близкіе къ тѣмъ, какіе онъ высказалъ въ первыхъ своихъ статьяхъ послѣ побѣга изъ Сибири *). Бакуининъ отвѣчалъ на рѣчь поляка, г. Мрочковскаго, объявившаго объ образованіи между поляками „новой партіи“, отъ имени которой онъ протягивалъ руку и русскимъ друзьямъ народа Г. Мрочковскій коснулся и экономического вопроса въ Польшѣ, и вопроса о „провинціяхъ“. По первому онъ сказалъ: „Освобожденіе крестьянъ было провозглашено революціоннымъ комитетомъ (польскимъ) съ самаго начала возстанія. Правда, эта мѣра не могла вполнѣ удовлетворить справедливыхъ требованій и интересовъ народа; правительство русское завладѣло ею, чтобъ подавить возстаніе и—успѣло въ томъ. Справедливо также, что реакція, дворянство, приняли широкое участіе въ дѣлѣ этого подавленія, но изъ этого не слѣдуетъ, что въ Польшѣ нѣтъ другой политической партіи, кромѣ католической и дворянской,—и я явился передъ вами, граждане, во имя *новой* партіи, отъ соціальной демократіи польской, съ знаменемъ соціальной революціи, которая провозглашаетъ, что земля, вся земля, принадлежитъ тѣмъ, кто ее обрабатываетъ своими руками, а инструменты труда—принадлежатъ ассоціаціямъ рабочихъ“. По вопросу объ исторической Польшѣ Мрочковскій сказалъ: „Мы не требуемъ возстановленія стараго государства, ни историческихъ правъ Польши, но мы хотимъ основать наше національное право, безспорное право жить по своему и располагать самими собою,—на справедливости и свободѣ“. Впрочемъ, и послѣ этого г. Мрочковскій все таки не отважился взглянуть прямо въ глаза дѣйствительности и сказать просто и ясно, что для „новой партіи“ Польша оканчивается тамъ, гдѣ оканчивается польское мужицкое населеніе,—а потому все таки скрылъ остатки старой идеи исторической Польши въ слѣдующихъ фразахъ: „Не задавая себѣ вопроса о томъ, какія будутъ границы Польши въ будущемъ, Польши народной, и уважая права всякаго населенія (population), принадлежало ли оно, или нѣтъ къ старой польской республикѣ, мы объявляемъ, что будемъ продолжать войну до крайности противъ всѣхъ враговъ нашего отечества“... Войну эту г. Мрочковскій считалъ впрочемъ необходимымъ для поляковъ вести и на не-польскихъ земляхъ. По крайней мѣрѣ онъ дальше говоритъ, правда, нѣсколько неясно, слѣдующее: „Мы воспользуемся всякимъ благопріятнымъ случаемъ, чтобъ поднять наши населенія, подчиненныя иностранцу, и когда мы успѣемъ водрузить наше знамя на какой бы то ни было точкѣ польской земли, мы обратимся съ призывомъ къ окрестнымъ населеніямъ, приглашая ихъ присоединиться къ намъ во имя свободы и справедливости народной. Онѣ будутъ вольны приступить къ намъ, или не приступать; мы будемъ уважать ихъ право,—но, если бы должны были еще много разъ пасть подъ ударами нашихъ враговъ, мы все таки не положимъ оружія, прежде чѣмъ не разрушимъ, или поможемъ разрушить вредное могущество трехъ великихъ державъ, которыя раздѣлили между собою Польшу“.

*) Вышеупомянутая прокламація „Русскимъ, польскимъ и славянскимъ друзьямъ“.

Принимая протянутую г. Мрочковским руку, Бакунинъ однакожь гораздо яснѣе, вполне ясно, поставилъ вопросъ объ отношеніи Польши къ непольскимъ народамъ, потому что вполне ясно поставилъ вопросъ именно о *границахъ* Польши. Онъ сдѣлалъ это въ блестящей рѣчи, въ которой набросалъ собранію картину политической этнографіи Восточно-Европейской равнины, которой огромную часть занимаетъ Россійская имперія. „Надо замѣтить, сказалъ онъ, что совершенно невѣрно говорится о русскомъ народѣ, какъ объ единомъ, потому что русскій народъ не составляетъ однородной массы, а состоитъ изъ нѣсколькихъ родственныхъ, но все же различныхъ племенъ“,—и затѣмъ остановился на „народѣ великорусскомъ“ и охарактеризировалъ его старую „свободу,—конечно, дикую, но дѣйствительную“ въ домосковскій періодъ и теперешнее убѣжденіе, что „*земля, вся земля* принадлежитъ только одному народу, т. е. всей дѣйствительно трудящейся массѣ, обрабатывающей ее своими руками“. Далѣе Бакунинъ представилъ ростъ московскаго самодержавія и петербургской бюрократіи, подъ вліяніемъ татаръ, Византіи и „бюрократической науки Запада, XVIII в., а также народную реакцію царско-боярско-бюрократическимъ порядкамъ, конечно, значительно идеализируя эту реакцію.

„Но кромѣ великорусскаго народа, сказалъ далѣе Бакунинъ, есть еще малороссы... Они образуютъ въ имперіи двѣнадцать миллионовъ населенія, а если прибавить къ нимъ галицкихъ русиновъ, то цѣлые 15 миллионовъ однороднаго племени, говорящаго однимъ языкомъ, имѣющаго одинакіе нравы и великія историческія воспоминанія. Послѣ вторженія татаръ народъ этотъ, къ несчастію, былъ поставленъ между московскимъ деснотизмомъ съ одной стороны и жестокимъ притѣсненіемъ іезуитствующей и аристократической польской шляхты съ другой. Возставши противъ этой послѣдней, въ половинѣ XVII в., часть Украины сдѣлала великую ошибку: она приняла покровительство Москвы. Украинѣ обѣщали все: сохраненіе ея вольностей и національную автономію... А въ настоящее время это панславистическое національное правительство систематически и жестоко преслѣдуетъ малороссійскій языкъ въ Малороссіи, какъ польскій въ Польшѣ.

„Этотъ народъ (малороссы) вмѣстѣ съ 4 миліон. бѣлоруссовъ, по всей вѣроятности, составитъ отдѣльную, независимую націю миллионовъ въ 20 жителей, которая можетъ, конечно, вступить въ союзъ съ Польшей или Великороссіей, но должна остаться независимой отъ гегемоніи той и другой“... *)

Дальше нѣсколько, говоря прямо о Польшѣ, Бакунинъ повторилъ эту мысль: „Руссинское населеніе Бѣлоруссіи, Литвы и Галиціи соединится, съ кѣмъ захочетъ, и никто не можетъ теперь опредѣлить

*) Къ стати,—почему это г. Н. Аксаковъ считаетъ необходимымъ ставить удивительный знакъ при словахъ „15-миліонный народъ“,—когда даже изъ Суворинскаго календаря онъ можетъ узнать, что по счету Риттиха, къ 1870 г. было въ одной Россіи 14½ миліоновъ украинцевъ?

его будущую судьбу. Мне кажется, всего вѣрнѣе и желательнѣе, чтобъ они образовали вначалѣ съ Малороссіей отдѣльную національную федерацію, независимую отъ Великоруссіи и Польши“ (Историческое развитіе Интернаціонала, 1863, ч. I, стр. 350, 351, 360).

Бакунинъ не ограничился подобными заявленіями такъ сказать съ боку отъ польскихъ революціонныхъ круговъ,—онъ вступилъ самъ въ ихъ среду, старался объ организаціи въ нихъ кружковъ съ его ан-архическимъ направленіемъ. Еще въ первоначальномъ, организованномъ имъ въ Италіи „Союзѣ Соціальныхъ Революціонеровъ“ были поляки,—а въ устроенномъ уже послѣ выхода Бакунина изъ „Союза Мира и Свободы“ въ 1868 г. „Союзѣ Соціальной Демократіи“ (Alliance de la democratie socialiste), вступившій въ „Международное Общество Рабочихъ“, былъ и представитель Польши. Когда въ 1872 г. составилось въ Цюрихѣ „Towarzystwo socyalistyczne polskie“, то для предположеннаго органа его „Gmina“ Бакунинъ написалъ программу, которую мы имѣемъ въ его рукописи. Въ этой программѣ между прочимъ стоятъ, въ § 5, слѣдующія слова: „Противники всякаго панства, (государства) мы разумѣется отвергаемъ такъ называемыя историческія права и границы. Для насъ Польша начинается и существуетъ дѣйствительно только тамъ, гдѣ чернорабочіе люди сознаютъ себя и хотятъ быть поляками, и кончается тамъ, гдѣ отвергая особый польскій союзъ, они хотятъ быть вольными членами другихъ народныхъ союзовъ“.

Къ сожалѣнію, программа Бакунина не появилась въ печати, такъ какъ между нимъ и членами польскаго соціалистическаго Товарищества“ оказались разногласія. Другая, находящаяся у насъ рукопись Бакунина, писанная имъ отъ имени его и нѣсколькихъ молодыхъ русскихъ друзей его, „Братьямъ польскаго общества“, проситъ исключить его изъ числа членовъ „Товарищества“, говоря: „къ несчастію мы убѣдились, что польское Общество не такъ сильно привязано къ нашей программѣ, принятой ими сначала единодушно“. Черезъ нѣсколько времени и самое „Товарищество“ рушилось среди скандаловъ, по поводу шпіона Стемпковскаго, успѣвшаго пролѣзть въ его секретари. Оба эти обстоятельства сильно охладили Бакунина ко всѣмъ польскимъ партіямъ и даже дѣламъ *). Но за нимъ остается все таки заслуга постановки федерально-соціалистическаго идеала и въ польской средѣ.

Бакунинъ пробовалъ проводить свои идеи непосредственно! и среди украинцевъ, хотя еще съ меньшею удачею. Здѣсь неудача главнымъ образомъ произошла отъ того, что слишкомъ нетерпѣливый агитаторъ поддавался искушенію выдавать желаемое за дѣйствительное. Во

*) На стр. 136 „Государственности и анархіи“ Бакунинъ говоритъ о разныхъ партіяхъ въ польской эмиграціи, отъ аристократической до соціально-демократической, и замѣчаетъ: „Въ сущности однако стоило только проникнуть въ каждую изъ нихъ немного глубже, чтобы убѣдиться, что основа у нихъ одна и таже: страстное стремленіе у всѣхъ къ восстановленію польскаго государства въ границахъ 1772 г.“

2 № „Колокола“ за 1870 г., одномъ изъ немногихъ №№, изданныхъ по смерти Герцена, Бакунинымъ, Огаревымъ и Нечаевымъ, помѣщена была статейка „Мысли по поводу начинающагося движенія въ Малороссіи“ и въ ней напечатанъ „Листъ до Громады“, будто бы ходившій по рукамъ въ Кіевѣ,—съ приглашеніемъ „не давать грошей ни москалю, ни ляху“. *) Вліянію Бакунина слѣдуетъ приписать и программу, изданную не задолго передъ тѣмъ, украинскаго революціоннаго журнала въ Швейцаріи, который впрочемъ дальше программы не пошелъ. Наконецъ Бакунинъ хлопоталъ объ образованіи и всеславянской секціи въ Интернаціоналѣ и написалъ ея программу, которая и напечатана была по французски и по русски. Русскій текстъ этой программы напечатанъ въ книгѣ „Государственность и анархія“ (Приложенія. 22—24).

Сама эта книга, вообще довольно безсвязная, интересна всего болѣе въ тѣхъ своихъ страницахъ, въ которыхъ авторъ говоритъ о положеніи славянскихъ народовъ, которые онъ усиливается притянуть къ социалистическому движенію, представляемому федеральною партіею Интернаціонала. Въ замѣчаніяхъ автора виденъ не только приверженецъ извѣстной доктрины, но и человѣкъ горячаго чувства и человѣкъ бывалый, самъ видѣвшій положеніе разныхъ славянскихъ народовъ и, что,—какъ мы говорили,—такъ рѣдко у великоруссовъ, переживавшій его. Вотъ почему онъ предостерегаетъ славянъ не только отъ австрійскаго легитимизма и московскаго панславизма, но и отъ пангерманизма, не только консервативнаго, но и радикальнаго и даже социаль-демократическаго. Этотъ послѣдній, проводимый и въ Австріи, особенно старѣйшими представителями германской социаль-демократической партіи, въ родѣ Либкнехта, былъ вреденъ между прочимъ и пропагандѣ социализма среди нѣмецкихъ народовъ Австріи, отпугивая отъ нея представителей этихъ народовъ и не давая заложиться спеціальнымъ секціямъ для пропаганды социализма на всѣхъ языкахъ этого разноплеменнаго государства. На Базельскомъ конгрессѣ Интернаціонала въ 1869 г. представитель вѣнскихъ нѣмецкихъ рабочихъ, Неймайръ сообщилъ, что славянскіе рабочіе не охотно пристають къ социальному движенію и просилъ Бакунина повліять на нихъ, разъяснивъ имъ, что дѣло идетъ о трудѣ, а не о „нѣмецкомъ дѣлѣ“. Бакунинъ обѣщалъ это сдѣлать,—и его вліянію слѣдуетъ отчасти приписать, какъ то, что основатели австрійской рабочей партіи не послѣдовали внушеніямъ германскихъ централистовъ и, устроившись самостоятельно, издали призывъ на всѣхъ почти языкахъ народовъ Австріи, такъ и то, что у чеховъ, передовые дѣятели которыхъ давно на-

*) Этотъ „Листокъ“ несомнѣнно сочиненъ въ самой редакціи „Колокола“. Вообще фальсификація документовъ играетъ довольно видную роль среди агитаціонныхъ приемовъ русскихъ революціонеровъ (подложный манифестъ отъ Царя, распространенный въ Поволжьи 1863 г., обманъ Нечаева, подложный манифестъ въ „чигиринскомъ“ дѣлѣ и проч.),—что невыгодно отличаетъ русскихъ революціонеровъ отъ другихъ европейскихъ. Любопытно было бы знать причину такого печальнаго явленія.

ходились въ сношеніяхъ съ Бакунинымъ, образовалась „чехо-славянская соціалистическая партія“ съ своими органами. Не малое вліяніе имѣлъ Бакунинъ и на зарожденіе сербской соціалистической группы.

Нечего и говорить, какъ организація общественныхъ партій среди народовъ негосударственныхъ и мысль о союзѣ ихъ съ партіями народовъ государственныхъ должна была дѣйствовать разлагающимъ образомъ на централистическія тенденціи, въ родѣ польскихъ и великорусскихъ. Вотъ почему между прочимъ мысль объ организаціи славянской секціи Интернаціонала, пущенная Бакунинымъ, не потеряла своего значенія и до сихъ поръ. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что, независимо отъ нѣкоторой поспѣшности, съ которой Бакунинъ старался давать своимъ мыслямъ осуществленіе, хотя бы чисто формальное, и которая повела за собою совсѣмъ странное присоединеніе бакунинской славянской секціи къ Юрской Федерациі, что и показывало на существованіе этой секціи болѣе въ замыслѣ, въ эмиграціи, нежели на дѣлѣ, на мѣстахъ,—въ мысли объ образованіи славянской секціи Интернаціонала была и теоретическая ошибка. Это была и тогда уже устарѣлая попытка соединенія идей панславизма 40-годовъ съ идеями Интернаціонала. Между тѣмъ, если уже признавать необходимость болѣе тѣсныхъ союзовъ въ широкомъ европейско-американскомъ интернаціональномъ союзѣ,—то во всякомъ случаѣ трудно ограничиться однимъ славянскимъ союзомъ. Конечно, положеніе славянскихъ племенъ, кромѣ близости языка и географическаго сосѣдства, представляетъ и нѣкоторыя общія имъ и особенныя отъ положенія большей части западно-европейскихъ народовъ черты: отсутствіе политической свободы и (кромѣ великоруссовъ) національной независимости,—заставляющее ихъ вести, кромѣ соціально-экономической, еще и политическую и національную борьбу. Кромѣ того по своему роду занятій всѣ эти племена болѣе сельскія и земледѣльческія, чѣмъ фабрично-городскія,—а потому и соціальное движеніе у нихъ должно имѣть преимущественно аграрный характеръ. Но тѣми же особенностями отличается положеніе и не славянскихъ племенъ Восточной Европы: литовцевъ, латышей, эстовъ, румыновъ, и племенъ сосѣдняго и уже сближеннаго съ Европейской Россіей въ культурномъ отношеніи Кавказа,—такъ что, вмѣсто специально славянской федераціи, слѣдовало бы образовать болѣе широкую восточно-европейскую федерацію. И такая федерація была бы и въ настоящее время крайне полезна, если пока еще не между самими народами, то хоть между соціалистами племенъ Восточной Европы и Кавказа. Остатки прежнихъ, исключительно славянскихъ, симпатій помѣщали Бакунину ясно формулировать идею о такой федераціи, но онъ былъ весьма близокъ къ ней между прочимъ и въ программѣ славянской секціи Интернаціонала и особенно въ книгѣ „Государственность и анархія“ *). И не вина Бакунина, если его

*) Еще въ рѣчи въ союзѣ Мира и Свободы Бакунина между прочимъ сдѣлалъ чрезвычайно мѣткую характеристику положенія латышей и эстовъ, на которыхъ право пора бы обратить вниманіе хоть бы петербургскимъ соціальнымъ революціонерамъ

послѣдователи изъ славянъ, особливо изъ русскихъ, усвоившіе многія изъ его идей болѣе вредныхъ, чѣмъ полезныхъ, напр. идеализацію революціонной подготовленности русскаго народа, противушкольныя выходки,—оставили безъ вниманія самую здоровую часть его идей,—федеративную и въ тѣсномъ, и въ широкомъ смыслѣ этого слова. Теперь, когда весь Востокъ Европы охваченъ двойнымъ броженіемъ, и когда почти въ каждой изъ его естественныхъ областей положены уже,—въ значительной части благодаря толчкамъ, исходившимъ отъ Бакунина,—зачатки социалистическихъ организацій, наступаетъ время, когда идея о федераціи политикосоціальныхъ дѣятелей Восточной Европы,—конечно, безъ отдѣленія его отъ Запада,—получаетъ болѣе реальное значеніе. И если она въ чемъ либо осуществится, то конечно, не будетъ забыто, что Бакунинъ былъ одинъ изъ первыхъ ея возвѣстителей.
